

О деятельности Гринпис, опасных законах против природы и социальной экологии

<http://oralhistory.ru/talks/orh-1709>

🎤 12 марта 2014

Собеседник

Данилов-Данильян Виктор Иванович

Ведущий

Винокурова Наталья Анатольевна

Дата записи

Беседа записана 12 марта 2014 и опубликована 8 июля 2016.

Введение

Во второй беседе экономист Виктор Данилов-Данильян дает свои оценки российскому законодательству в области природопользования и экологии, выражая беспокойство в связи возможными последствиями принятия непрофессиональных решений. Говоря об экологии, он особо останавливается на понятиях экологии индивидуума и экологии социума.

В завершающей части беседы ученый делится впечатлениями о работе со студентами и молодыми коллегами.

Наталья Анатольевна Винокурова: Мы в прошлый раз говорили о заповедниках.

Виктор Иванович Данилов-Данильян: Мы прервались на том, что я говорил о своих научных изобретениях.

Н.В.: Да-да-да.

В.Д.: Я как раз не закончил еще об одном.

Н.В.: Отлично, отлично. (*Смеются.*)

В.Д.: С профессором Храновичем мы выполнили цикл работ, который сейчас удостоен главной премии МАИК «[Наука/Интерпериодика». Мы ее будем 27 марта получать. МАИК «[Наука/Интерпериодика» — это компания, которая занимается переводом ста пятидесяти или даже больше академических журналов на английский язык, в том числе журнала «Водные ресурсы». Они каждый год выбирают две-три главных премии по направлениям и какое-то количество просто премий.

Мы с Иосифом Лазаревичем Храновичем получили в этом году главную премию за цикл работ, смысл которого вот в чем: мы изобрели новый класс производственных функций. Обычно производственная функция, она ведь как устроена? Переменные в ней заданные, независимые — это, скажем, факторы производства. Обычно это труд, капитал...

Н.В.: Да.

В.Д.: ...иногда бывают ресурсы, иногда наличные количества, а иногда реально затраченные. Зависимая переменная функция — это результат производственной деятельности.

 Водное хозяйство, которым мы занимаемся, работает в условиях неопределенности в гораздо большей степени, чем, наверное, любая другая отрасль или подотрасль народного хозяйства, потому что мы зависим от природы в максимально возможной степени.

Засухи, наводнения — это все у нас. У геологов — у них запасы разведаны. Их можно, конечно, доразведать, но пока их не доразведают, это константа, фиксированная величина. У нас констант не бывает вообще. Никто не знает, сколько воды прольется завтра, послезавтра...

Н.В.: Да-да.

В.Д.: ...а уж тем более через месяц или через два. А планирование сельскохозяйственной деятельности, например, осуществляется в расчете на определенное количество воды, которое можно недополучить — а может случиться так, что вам предложат больше, чем вы предполагали...

Н.В.: Это хорошо — «вам предложат», да!

В.Д.: Предложат, да, потому что девать некуда, срабатывать надо водохранилища — пожалуйста, возьмите, причем по более низкой цене. Это обычная история у нас. Так вот, мы ввели в производственные функции, помимо затрат ресурсов, еще и ориентиры, так сказать, ожидаемые значения. И тут что очень хорошо получается? Производственные функции достигают максимумов, когда реально затраченные ресурсы совпадают с ориентирами. Если вы получили меньше, то, естественно, у вас результат ниже. Но если вы получили больше, то не результат, а эффективность у вас тоже ниже, потому что вы же не готовы...

Н.В.: Да-да-да.

В.Д.: ...в полной мере...

Н.В.: Использовать.

В.Д.: ...к устранению этих ресурсов. Вы подготовились бы лучше, если бы вы знали, что у вас будет не... V , а $V + \Delta V$. Так что благодаря этому замечательному свойству, благодаря тому, что максимум достигается при совпадении этих переменных, математически все что хочется, удастся доказать — или почти все что хочется. И они прекрасно ложатся в оптимизационные модели, эти производственные функции. Только оптимизируешь уже две группы переменных: и ориентиры и...

Н.В.: Вероятностная, что ли, модель у вас? Как вы ориентиры эти получаете?

В.Д.: Нет, эти ориентиры — это... Проще всего считать, что это плановые показатели. По долгосрочному договору с водохозяйственной организацией я, сельскохозяйственное предприятие, должен получить столько-то воды — тысячу кубометров. Я на это...

Н.В.: Ориентируетесь на это.

В.Д.: ...ориентируюсь, когда распределяю посевные площади под культурами, что-то под рис, что-то под кормовые травы, а что-то под пшеницу. Если у меня будет больше воды, я больше посею риса, если у меня будет меньше воды — по договору — я посею меньше риса и больше, допустим, кормовых культур. От этого зависит, какую технику, какие удобрения я буду применять и все такое прочее. Я ко всему этому должен готовиться заранее, за несколько месяцев, а на самом деле — за полгода и даже с лишним. Так что это очень существенный параметр подготовки к следующему сезону для сельскохозяйственного предприятия. Примерно то же самое можно и для других водопотребителей нарисовать. Но особенно сильно это сказывается, конечно, в сельском хозяйстве. Задача, конечно, решается как задача стохастического программирования, потому что реально этот ресурс — это случайные переменные.

Н.В.: Интересная какая работа! Да-да-да, действительно, вы мне не говорили об этом в прошлый раз.

В.Д.: Мы написали большой цикл статей... У нас книжка вышла про это, а сейчас мы вторую книжку заканчиваем.

Н.В.: Это ваш коллега из института?

В.Д.: Да, конечно, из Лаборатории управления водными ресурсами, сокращенно ЛУВР. *(Смеются.)*

Н.В.: Красиво!

В.Д.: Да. Еще, конечно, надо отметить, это пока не очень замеченная работа, но, я думаю, что будущее у таких посторонний есть, тем более что они далеко не только в водном хозяйстве могли бы играть. Например, если вы владеете частным учебным заведением, то вы, с одной стороны, ориентируетесь на какое-то количество учащихся, и соответственно этому готовите помещение, штат и так далее, а, с другой стороны — кто же его знает, сколько их реально к вам придет!

Н.В.: Ну да! В принципе это касается очень...

В.Д.: Это касается любых, абсолютно любых видов деятельности...

Н.В.: Конечно, любых.

В.Д.: ...где участвуют случайные факторы, от которых — от случайных факторов — зависит реальное количество ресурсов, не обязательно природных. Это может касаться и спроса на вашу продукцию, как, например, в случае с учебным заведением. Так что, думаю, у этих производственных функций определенное будущее еще есть.

Новые заповедники и законы

Н.В.: Отлично! Интересно. В прошлый раз вы рассказывали о том, что, будучи министром*, вы очень много сделали для того чтобы число заповедников у нас увеличилось.

* Виктор Иванович Данилов-Данильян был министром охраны окружающей среды и природных ресурсов Российской Федерации с 1991 по 1996 год.

В.Д.: Кое-что сделал.

Н.В.: Я помню: двадцать четыре заповедника.

В.Д.: Да, двадцать четыре заповедника и четыре национальных парка были открыты за эти годы.

Н.В.: Да-да-да. И вот вопрос мой к тому, что сейчас ведь какой-то закон то ли уже вступил в силу, то ли готовится, обсуждается.

В.Д.: Вступил. Когда мы с вами беседовали, по-моему, этого еще...

Н.В.: Этого еще не было, да-да.

В.Д.: ...этого еще не было, да. А за то время, которое прошло после нашей беседы, Государственная Дума приняла закон, Совет Федерации его как всегда, не глядя, пропустил*. Президент было засомневался, подписывать ли его, потому что к этому моменту стало ясно, что там дров наломали изрядно, но потом все-таки подписал, надеясь на то, что при реализации закона перегибов особых допущено не будет. Но надежды надеждами. Дело в том, что, согласно старому законодательству, заповедники были в некотором роде неприкосновенны. Заповедники не подлежали никакой трансформации в другие виды особо охраняемых территорий: заповедники — это заповедники, национальные парки — это национальные парки, заказники — это заказники и так далее.

* Имеется в виду Федеральный закон от 14 марта 1995 г. N33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях», который позволяет преобразовывать заповедники в национальные парки и понижать уровень федеральных заказников до региональных.

Можно было только повысить статус: скажем, национальный парк сделать заповедником, но наоборот — нельзя. Повысить охранный статус и строгость режима соответственно. А если даже для особо важных государственных нужд какая-то часть территории заповедника желательно, чтобы была отчуждена, это разрешалось делать после очень длительных процедур и серьезных экологических экспертиз и обязательно при условии компенсации, то есть к этому заповеднику сколько отрезал — столько же надо было прирезать. Это неперемное условие. А согласно этому закону, заповедник можно превратить в национальный парк. В отличие от заповедника, национальный парк — это особо охраняемая территория, где можно заниматься разными видами хозяйственной деятельности. Может быть, нельзя построить дом, коксовую батарею или атомную станцию, но уж рубить, пахать — это все можно. Можно тащить всевозможные коммуникации, инфраструктуру, стоять отели...

Н.В.: То есть фактически уничтожать.

В.Д.: ...туркомплексы и так далее. Есть люди, которые готовили этот закон. Это можно делать не всегда по этому закону, а в течение нескольких лет. Вот они говорят, что...

Н.В.: А что это значит — «в течение нескольких лет»?

В.Д.: А потом — все, это только на определенный срок разрешается делать.

Н.В.: То есть строить там...

В.Д.: Нет-нет, не строить, а превращать...

Н.В.: Превращать.

В.Д.: ... заповедники в национальные парки. Вот час икс пробьет, и эта статья закона перестает действовать, разрешение кончилось.

Н.В.: То есть надо быстро сейчас ухватить.

В.Д.: Надо быстро, а при том бюрократизме, который у нас царит и при тех препонах, которые все-таки

еще остались, они говорят, что больше, чем три заповедника в нацпарки не переделают. Но дело даже не в том — один, два, три или тридцать. Дело в том, какой сигнал это дает обществу. Общество, благодаря этому закону, получило сигнал, что в принципе-то заповедники можно и ликвидировать! Если очень хочется, то можно — вот что сказано обществу. Обществу в очередной раз сказано, что охрана природы — это не первоприоритетное дело, что есть вещи для нас более важные. И мы ради этих, казалось бы, более важных вещей... На самом деле там ничего серьезного не предполагается. Ни одна крупная хозяйственная структура типа «Газпрома», или «Роснефти», или «Русгидро», или кого-нибудь еще и не собирается пользоваться этим законом! Это все ради мелких хищников делается, которые собираются в большие стаи, но тем не менее. И эти «большие стаи» хорошо представлены в разных законодательных структурах, как региональных, так, по всей вероятности, и федеральных.

Н.В.: Ну да, иначе, наверное, не приняли бы такой закон.

В.Д.: Вот какой сигнал получает общество. Это абсолютно недопустимый закон! Тем не менее, он вступил в силу. Они уже готовят эти документы и они, конечно, эти возможности реализуют.

Н.В.: Интересно, с каких они начнут заповедников?

В.Д.: Ну я...

Н.В.: Наверное, с самых лакомых, таких, которые...

В.Д.: С самых лакомых для строительства турбаз и так далее.

Н.В.: Да-да.

В.Д.: Именно для этого. А также коттеджных поселков и всего такого прочего.

Н.В.: Да-да.

В.Д.: Само собой разумеется, что в большой морской или полярный заповедник они не пойдут, там ничего такого не заработаешь.

Защита водоохранных зон

Н.В.: Но ведь и сейчас я вижу, что даже наши бедные речушки, какая-нибудь Клязьма, что эти поселки прямо внедряются в воду, закрывают доступ...

В.Д.: До уреза воды доходит это освоение, строительство, и перегораживается берег, что категорически запрещено законом.

Н.В.: Да, берег перегораживается у Москвы-реки, у Клязьмы...

В.Д.: Перегораживается у Москвы-реки, у Клязьмы, у любой другой реки...

Н.В.: Эти поселки.

В.Д.: ...на которую вышли эти господа. Это совершенно точно.

Н.В.: И никак нельзя защитить?

В.Д.: Мы-то с вами в данный момент говорим уже не об особо охраняемых территориях.

Н.В.: Да-да, это...

В.Д.: Мы говорим о водоохранных зонах. Законодательство, регулирующее использование водоохранных зон, не выполняется. Никто не собирается всерьез заниматься устранением нарушений, которые — очень многочисленные! — были сделаны за последние двадцать лет. Никто, как я понимаю, не собирается!

Какое-то время назад еще был какой-то шум, какую-то баню сносили у госпожи Пугачевой, еще чего-то там...

Н.В.: Да-да, было.

В.Д.: Но, как я понимаю, на самом деле ничего реально так и не снесли, и все это, как было, так и осталось. А если где-то кто-то что-то снес, то только для того, чтобы захватить этот участок...

Н.В.: Построить.

В.Д.: ...и на этом месте построить свое. Вот, только так! Вся борьба за чистоту водоохраннх зон — видимость, которую показывали по телевизору лет семь-восемь назад. Это чистая фикция была, пиар, которым прикрывали еще более недостойные дела, чем...

Н.В.: Чем дача Пугачевой.

В.Д.: ...то, против чего как бы боролись. Как всегда, боролись не против этого, а за что-то другое. За что именно, это — увы — не совсем то, за что надо было бы бороться.

Н.В.: У меня из разговора с вами складывается общее впечатление, что у нас все хуже становится со всей природоохранной деятельностью...

В.Д.: Все хуже и хуже.

Н.В.: ...и с экологией в широком смысле.

В.Д.: Все хуже и хуже. Если вы сравните действующий Водный кодекс с предшествующим Водным кодексом 1997 года, вы увидите, что с экологической точки зрения он просто никакого сравнения не выдерживает! Там заняты регулированием отношений по поводу пользования, а вовсе не охраной водных объектов. Там этих и слов-то почти нет.

Н.В.: Это в последнем?

В.Д.: В последнем.

Н.В.: Это какого года?

В.Д.: 2006-го. Теперь сравните старый Закон об охране окружающей среды и новый. Старый, который вступил в действие в 1992 году, и новый, который, если не ошибаюсь, в 2003-м. Опять-таки он во всех отношениях хуже. Я уже не говорю про анекдотические события, которые сопровождали принятие нового закона.

Н.В.: У нас еще будет такой следующий вопрос, который...

В.Д.: Про анекдотический случай я вам расскажу...

Н.В.: А, да-да.

В.Д.: ...с этим законом. История какая. По закону 1992 года у нас за загрязнение окружающей среды взималась плата. Это реализация известного принципа: загрязнитель, или, скажем, загрязняющий платит. И в старом законе была прописана процедура определения этих платежей. Без деталей, которые оставались на усмотрение Правительства, но все, что нужно было для того, чтобы это задействовать, там было прописано. И это было благополучно задействовано. В 1991 году у нас эксперимент шел, итоги этого эксперимента были учтены в законе, и когда закон был введен в действие — в начале 1992 года — все поехало очень гладко. А в законе 2003 года было сказано, что «за негативное воздействие на окружающую среду взимается плата, порядок которой определяется законодательством Российской Федерации». Так пишут в тех случаях, когда есть ссылка на другой закон. Но никакого другого закона не было, потому что старый закон был отменен при вводе в действие нового, а ни в каком третьем законе порядок не прописан.

Н.В.: И что же тогда?

В.Д.: Ну что тогда? Тогда «Норильский никель» отказался платить и подал в суд на попытки снять с него соответствующие суммы. И выиграл суд первой инстанции и второй инстанции. В конце концов, в Верховном суде это подтвердили. Потом Президиум Верховного суда и Конституционный суд вынесли такой вердикт, что в отсутствие соответствующего закона, если то, что нужно, не прописано в законодательстве, это может быть сделано постановлением Правительства. А постановление не успели отменить, оно как бы продолжало действовать...

Н.В.: Еще от того закона.

В.Д.: Еще от того закона.

Н.В.: С ума сойти!

В.Д.: С ума сойти. Это просто замечательно. До сих пор никто не знает, то ли это был умысел, то ли это была...

Н.В.: Глупость какая-то!

В.Д.: ...такая ошибка, ошибка, за которую нужно было бы человека двадцать с работы снять. По крайней мере, человек двадцать. Уж весь Комитет-то разогнать — точно! — по охране окружающей среды, который тогда еще существовал в Государственной Думе. Так вот...

Н.В.: А кто тогда возглавлял этот Комитет?

В.Д.: По-моему, Грачев в тот момент возглавлял, Владимир Александрович. По-моему, он. Сначала этот состав Комитета благополучно протасил закон, разрешающий ввоз отработанного ядерного топлива в Российскую Федерацию из-за границы. Потом вот это... Тут все было в порядке, ни одного действительно природоохранного, а не антиприродоохранного закона они не приняли, тогда, в те четыре года. Так вот...

Н.В.: Уж, казалось бы, настолько естественно...

В.Д.: Насколько естественно.

Н.В.: ...что за загрязнение платить, хотя у меня такой к вам вопрос: а нельзя ли, чтобы платили те, кто пользуется этими общими благами, кто строит в заповеднике?

В.Д.: Это уже другой вопрос, это уже, так сказать, новая тема для законодателя. Само собой разумеется, в заповеднике строить нельзя.

Н.В.: Ну, я условно говоря.

В.Д.: А за эксплуатацию земли в национальном парке...

Н.В.: Да, вот-вот...

В.Д.: ...и других имеющихся там ресурсов — безусловно, нужно брать двадцатипятикратную плату...

Н.В.: Ну да, вот мне...

В.Д.: ...двадцатипятикратную!

Н.В.: ...пришла сразу такая мысль...

В.Д.: Плата за землю должна быть в двадцать пять...

Н.В.: Тот, кто пользуется уникальными ресурсами...

В.Д.: Совершенно верно!

Н.В.: ... должен платить!

В.Д.: Безусловно должен! Но это плата за ресурсы...

Н.В.: Да.

В.Д.: ...а не плата за негативное воздействие.

Н.В.: Да-да. Но все-таки так тоже можно было бы как-то регулировать...

В.Д.: Но самое замечательное то, что с момента принятия этого закона пошел второй десяток лет, а закона, который устанавливал бы порядок платы, так и нет.

Н.В.: Так и не сделан!

В.Д.: Так и нет. Так и пользуются постановлением Правительства до сих пор.

Н.В.: Но все-таки платят.

В.Д.: Но платят, хотя плата символическая, потому что базовые ставки были установлены еще в 1992 году, и с тех пор их двадцать раз индексировали, но каждая индексация существенно ниже, чем темп инфляции. Они с самого-то начала были очень низкими, а сейчас они почти занулились, и они раз в пятьдесят ниже, чем в Европе, например.

Н.В.: Просто нет слов!

В.Д.: И раз в десять ниже, чем в Белоруссии и Казахстане.

Н.В.: А кто у нас сейчас там возглавляет Комитет?

В.Д.: Кашин возглавляет этот Комитет.

Н.В.: Коммунист.

В.Д.: Коммунист, Кашин*, да, он сам водохозяйственник. Мне случалось вполне трезвые суждения от него слышать по поводу водных ресурсов. Но все эти почти византийские игры, которые там идут, все эти хитросплетения, кто от кого зависит, кто кому приказывает, кто кому запрещает — это просто невообразимо! И когда пытаешься понять, как получилось то-то и то-то — совершенно невозможно понять.

* Кашин Владимир Иванович — заместитель Председателя ЦК КПРФ, председатель Комитета Государственной Думы по природным ресурсам, природопользованию и экологии

Н.В.: Вы хоть как-то можете повлиять на процесс?

В.Д.: Я давно перестал ходить на парламентские слушания, потому что понял, что от них абсолютно никакого толку! Эта история с Водным кодексом — она же совершенно замечательная. Дело в том, что Водный кодекс обсуждался несколько лет. Он обсуждался очень широко в печати, на всевозможных собраниях, совещаниях, конференциях и симпозиумах. И научные круги и водохозяйственники здесь были совершенно едины — это не так уж часто бывает. Мы все время критиковали этот закон, указывая на то, чего в нем не хватает, и что, с нашей точки зрения, абсолютно необходимо. И нам все время клялись и божились, что наши возражения будут рассмотрены, учтены, все будет поправлено, все будет хорошо, все будет окая. Потом вдруг вываливается — иначе не скажешь — совершенно новый законопроект, который вовсе не обсуждался, обсуждался совсем...

Н.В.: Другой.

В.Д.: ...другой, и за две недели принимается. Все! После этого я перестал ходить на парламентские слушания. Сотрудников я туда, правда, посылаю.

Н.В.: Ну да, чтобы быть в курсе дела.

В.Д.: Они добросовестно ходят, выступают, но все это... Я даже не знаю, как назвать. И не глас вопиющего в пустыне, а так...

Экономика и экология

Н.В.: В связи со всем этим какая у вас оценка нынешней в целом экономической ситуации? Что у нас творится?

В.Д.: Все очень плохо...

Н.В.: То, что вы рассказываете — это все-таки одна такая отрасль, да? А в целом?

В.Д.: В целом экономика находится сейчас в, я бы сказал, заслуживающем глубокого сожаления и скорби состоянии, потому что у нас абсолютно не происходит перестройки реального сектора экономики в тех направлениях, в которых его следовало бы перестроить. У нас по-прежнему доминируют сырьевые отрасли. То, что статистика официальная показывает, что у нас растет сектор услуг, и сильно вырос — это ведь в значительной степени дутая вещь, потому что валовой внутренний продукт, согласно этой «замечательной» статистике, изобретенной еще Семеном Кузнецом в Соединенных Штатах, как мы с вами прекрасно знаем, — это сумма всех продаж. Если вы одну и ту же нефть пять раз перепродали от одного посредника к другому, ее стоимость, при каждой перепродаже увеличивающаяся, пять раз входит в валовой внутренний продукт. Если всю эту ерунду выкинуть и перейти, например, к советской статистике, советским процедурам исчисления совокупного общественного продукта, у нас получится...

Н.В.: Как нас учили в институте.

В.Д.: Как нас учили, да — у нас получится совсем другая картинка. И эта картинка будет еще более мрачной, чем то, что мы видим сейчас.

Н.В.: Сейчас я вообще не понимаю, что происходит. Такое впечатление, что кроме нефти, газа...

В.Д.: Ну кроме нефти, газа...

Н.В.: Какие-то, да-да...

В.Д.: ...есть кое-какой уголь, кое-какая металлургия, есть лес. Остальное почти пренебрежимо. Оружие мы еще продаем, конечно.

” Но я принадлежу к числу тех людей, которые считают, что торговля оружием аморальна. Для собственной защиты оружие — что поделаешь, «с волками жить» — приходится производить. Если вы хотите укреплять свою оборону какими-то инъекциями в вооруженные силы других стран — отдавайте им даром

Н.В.: Но главное...

В.Д.: ...если вы в них уверены.

Н.В.: Да, я хотела сказать, главное — чтобы...

В.Д.: Но уверенным нельзя быть абсолютно.

Н.В.: ...потом это оружие против тебя не обернулось.

В.Д.: Именно так все время и происходит.

Н.В.: В этом смысле это даже не то, что аморально, это какие-то другие тут слова.

В.Д.: Конечно другие слова: это абсурдно — вооружать своих врагов.

Н.В.: А что там за прогнозы? Что-нибудь можно сделать? Потому что многие говорят, что мы прошли «точку невозврата» и что теперь уже ничего невозможно сделать.

В.Д.: Что такое «точка невозврата»...

Н.В.: Что теперь мы будем только катиться вниз.

В.Д.: ...в этих делах очень трудно понять. Дело в том, что сама мировая экономика, по всей вероятности, сделает крутые повороты в течение ближайших пятнадцати-двадцати лет. Может быть, это будут такие повороты, в результате которых мы будем выглядеть лучше, чем сейчас. Например, поднимутся цены на ресурсы — это во-первых. Во-вторых — снизится спрос на то, на чем особенно много зарабатывают, скажем, те же Штаты. Вот у нас главная статья экспорта — это нефть, потом газ идет. А в Соединенных Штатах на первом месте стоит индустрия развлечения.

Н.В.: Да-да-да, интересно.

В.Д.: Может быть, люди поумнеют...

Н.В.: Я не знаю, на первом ли месте или...

В.Д.: На первом. Там бывают разные классификации, разные группировки...

Н.В.: Но у них еще продукты... Кроме развлечений, по-моему, еще IT-отрасль.

В.Д.: И IT-отрасль, да.

Н.В.: Да-да, на первом месте.

В.Д.: Между ними, кстати сказать, границы очень трудно провести, потому что значительная часть IT-отрасли — это на самом деле...

Н.В.: Это игры.

В.Д.: ...подотрасль индустрии развлечений. Американская экономика очень сильна, она вполне выдержит многое, в том числе и десятикратное сокращение доходов по этим статьям. Достаточно сказать, что в американском валовом внутреннем продукте на сельское хозяйство приходится меньше одного процента. А эти меньше одного процента, во-первых, кормят население трехсотмиллионной страны, и, во-вторых, имеют сорок процентов мирового оборота продовольствия — еще к тому же продают. *(Смеется.)* Сорок процентов! Как ни странно, то же самое число, которое характеризовало сельское хозяйство России в 1913 году.

Н.В.: Да-да, сорок процентов.

В.Д.: Только те сорок процентов состояли почти исключительно из пшеницы, а тут более разнообразный ассортимент. Вот так вот. *(Смеется.)*

Общество потребления

Н.В.: Но мне трудно представить, что спрос на развлечения упадет...

В.Д.: Я-то считаю, что это экстерналия, что нынешнее невероятное раздувание этих...

Н.В.: Вы исходите из позиций здравого смысла, благоразумия. А раздувание развлечения — это же самые низшие...

В.Д.: Совершенно верно.

Н.В.: ...инстинкты человечества задеваются...

В.Д.: Это эксплуатация животного в человеке.

Н.В.: Да.

В.Д.: Это контркультура, которую объявляют новой культурой. Но дело-то все в том, что это очень опасно. В том числе и для тех, кто это культивирует, кто это распространяет по всему миру, кто определяет ситуацию в этой области... Американская экономика может сильно измениться, если вдруг изменится отношение к культуре, можно сказать. Если западная цивилизация поймет наконец, что, если у нее и есть, у западной цивилизации, истинная ценность, — то духовная, а не все это низменное, активно насаждаемое, гламурное, бессмысленное, если не сказать хуже, что сейчас просто заполонило весь мир. Само собой разумеется, что это вызывает отторжение других культур: и мусульманской, в определенной степени китайской, и индийской, например. И никто не знает ответа на вопрос, что будет в конце концов: то ли этот конфликт обострится до такой степени, что западной цивилизации будет уготована та участь, которую ей уже давно предсказывали, начиная со Шпенглера, то ли этот поток захлестнет и мусульманский, и китайский, и индийский мир. Они заболеют этой же болезнью, и человечество станет более единым, но еще более больным — я бы так сказал.

Н.В.: Но как вам кажется, нас они завоевывают в этом смысле?

В.Д.: Мы очень податливы были всегда. У нас всегда была очень сильно представлена тенденция к заимствованию. И это началось не с Петра I, это раньше началось. Это проявлялось еще и при Иване III. Кроме того, мы же заимствовали православие и в значительной степени православную культуру в Византии. Об этом у нас как-то не принято в этом контексте вспоминать. Само собой разумеется, что историки, и историки искусства, и историки архитектуры это знают прекрасно и об этом постоянно говорят и пишут, но в том контексте, в каком сейчас проходит наша беседа, об этом не очень-то вспоминают.

Н.В.: Да-да-да-да, действительно.

В.Д.: А на самом деле это так. И мы очень много переняли от Золотой Орды, причем не потому что это нам было навязано, а потому что охотно восприняли.

Н.В.: А как вам кажется, это нам на пользу пошло, вот это впитывание чужой культуры?

В.Д.: Вообще впитывание чужой *культуры* всегда идет на пользу, но только до тех пор, пока это культура, а когда эта культура превращается в контркультуру, когда она оказывается направлена на разрушение собственной духовности и собственной культуры, а именно это сейчас происходит... Наше телевидение бесконечно далеко от культуры. Есть какие-то исключения, точно так же, как в океане есть какие-то островки, но не они определяют облик океана, как вы понимаете. Вот сейчас нас затопил этот океан... Как сказал бы Александр Александрович Зиновьев, которого я по многим причинам не очень люблю, «западнизм».

Н.В.: Да-да. (*Смеется.*)

В.Д.: «Западнизм», да. Бороться против этого влияния можно только культурой, только развитием культуры собственной, только ее укреплением.

Н.В.: Вы про это, по-моему, говорили. В прошлый раз, когда мы с вами беседовали, вы говорили о том, что это правильно, если я помню, что это один из факторов стабильности и устойчивости.

В.Д.: Безусловно. Дело все в том, что снижение общего культурного уровня, падение духовности определяет уменьшение устойчивости общества, поскольку это все разрушение стабилизирующих социальных структур. Это вне всякого сомнения. Чем выше культурный уровень нации, государства,

народа, этноса — как хотите, тем сильнее у него развиты и тем лучше работают стабилизирующие социальные структуры. А какие тут стабилизирующие социальные структуры? Насаждение того, что сейчас насаждается, приводит только к разрушению стабилизирующих структур, потому что для того чтобы они хорошо работали, нужно чтобы население понимало их смысл. Мы вышли из первобытного состояния, когда никто не понимал смысла заклинания дождя, это стабилизирующая социальная структура, стабилизирующий ритуал, но его... Он был отобран как бы по Дарвину, он закрепился, образовавшись у очень большого количества народов, у всех без исключений народов, племен, которые жили в условиях более или менее регулярных засух, а таких было очень много, как вы понимаете. Так вот, он у всех возник и у всех закрепился. И это результат естественного социального отбора. Но времена естественного социального отбора прошли, сейчас социальный отбор делается сознательно. Рынок остается стихией, но эту стихию усиливают, со всеми ее недостатками, совершенно сознательно те, кто прекрасно понимает, что можно от этого получить, и не хочет видеть, не хочет понимать, не хочет замечать то, что при этом теряет весь социум. Ну и вся цивилизация.

Н.В.: Ну да, ведь это же для них самих опасно.

В.Д.: Само собой разумеется. Это то же самое, что продажа оружия тем, кто направит [его] против вас.

Н.В.: Да-да-да.

В.Д.: Но эти люди не думают о следующих поколениях...

Н.В.: Но что это, что ими движет, жадность?

В.Д.: Безусловно корысть, жажда наживы.

Н.В.: Только деньги.

В.Д.: Только жажда наживы. Рынок живет этим, рынок существует благодаря тому, что рыночные агенты стремятся к максимализации прибыли. Все это хорошо известно.

Н.В.: Да, это понятно. Я тогда не понимаю, почему у вас есть некоторая доля оптимизма по поводу того, что как-то это исчезнет, пойдет на убыль, эта культура там, в Америке. Что может ее заставить?

В.Д.: Не то что есть доля оптимизма, просто я не исключаю такой возможности. Я не исключаю возможности того, что общество это поймет прежде, чем будет поздно это понимать. Все-таки поймет. Или, по крайней мере, поймет какая-то часть общества, которая будет в состоянии немного поначалу, и чем дальше, тем сильнее, изменять вектор этого развития. А я считаю, что все эти явления вполне можно называть экстерналиями.

Экстерналии по теории Пигу

По Пигу* экстерналии — это все связано с недооценкой рынком каких-то факторов, в результате чего активные рыночные агенты, производители, наносят ущерб всем остальным, по крайней мере, некоторым, именно постольку, поскольку что-то рынком недооценено.

* Артур Сесил Пигу (1877—1959) — английский экономист, автор экономической теории благосостояния и «эффекта Пигу».

Недооценено рынком качество воздуха, недооценено рынком качество воды, недооценена тишина и так далее, поэтому производители загрязняют воздух, загрязняют воду, устраивают шумовое загрязнение. Никто не заставляет никого платить или получать какие-то деньги в связи с этим, но огромная часть населения начинает от этого страдать, а кто-то даже и умирает, как это было в Японии.

Кто его знает, сколько людей в Англии умерло от безумного загрязнения лондонского воздуха, прежде чем был принят еще в XIX веке закон о его охране. Это экстерналии, связанные именно с тем, что рынок чего-то недооценивает. Продолжая идеи Пигу (при Пигу этого еще заведомо не было, Пигу свою экономику благосостояния, как я уже говорил, в 1920 году написал), продолжая в нынешние времена

эти мысли, я пришел к выводу, что экстерналии могут быть и в том случае, когда рынок что-то переоценивает. Переоценивает с точки зрения понимания подлинных социальных интересов с учетом долгосрочной и сверхдолгосрочной перспективы, которая для рынка всегда не видна, не заметна (а рынок близорук, это аксиома), и из-за переоценки наносится совершенно определенный, ясный социальный вред — это снижение культурного уровня, это замещение подлинной культуры суррогатами, симулякрами и прочее.

Н.В.: Но это недооценка, а вы говорите о переоценке.

В.Д.: Это переоценка.

Н.В.: Это переоценка?

В.Д.: Это переоценка стоимости этих товаров и услуг. Они на рынке продаются дороже, чем стоят на самом деле, ведь им цена ноль, а они продаются за огромные деньги. Они продаются за огромные деньги благодаря оболваниванию, зомбированию населения, и огромная часть населения начинает...

Н.В.: В этом смысле переоценка...

В.Д.: В этом смысле, в рыночном смысле, — переоценка: то, что на рынке торгуется, оказывается резко переоценено. Социальная значимость всего этого, она должна быть вычтена, элиминирована из рыночной цены, а она не элиминирована. Мы точно так же, как в экстерналиях, о которых говорил Пигу, наносим вред. Вот этот вред должен быть изъят из доходов тех, кто его наносит. Но сам по себе доход образуется не за счет того, что из него что-то не вычли, а за счет переоценки этой продукции. В этом смысле ситуация совсем другая, чем была у Пигу, так сказать, с другим знаком, куда уж тут деваться. Хотя, естественно, это тоже экстерналии. Как у всякой экстерналии, тут играют эти общие вещи, о которых я вкратце сказал. И если это будет осознано, если будет понято хотя бы правящей элитой, она может начать делать, хотя бы для начала, маленькие шаги, чтобы эту ситуацию исправить. Какие маленькие шаги? Например, налогообложение. Эти услуги должны облагаться сверхналогами, тогда цена на них еще больше задерется, но так, что упадет спрос.

Н.В.: А не может так получиться, что они придут к этому и начнут это делать у себя, а во все страны, вроде нашей, или Украины, или Индии это все пойдет без всяких налогов, и так далее, просто эти рынки для них открываются безграничные.

В.Д.: Можно привести пример, когда было не так. Существуют конвенции о запрещении трансграничного перемещения экологически опасных грузов. Развитые страны пошли на это, осознавая общую экологическую опасность, хотя им было бы выгодно вывозить мусор в другие страны. И в 1990-е годы мы получили два эшелона, которые благополучно вернули назад: они, так сказать, проскользнули через границы, но, используя международные соглашения, мы в полном союзе с министерствами окружающей среды стран-отправителей ликвидировали это дело, вернули все назад, заставили там утилизировать, делать то, что положено по законодательству соответствующих стран. Два таких случая было.

Н.В.: Я помню, что в самом начале 1990-х... Забыла фамилию этого человека, экономиста из Америки, который выступал у нас в институте и который говорил, что для нас сейчас лучший был бы вариант, который он предлагает, [с чем и] приехал в Правительство — это чтобы мы со всей Западной Европы...

В.Д.: Какой-нибудь Джеффри Сакс*, кто-нибудь в этом духе?

* Джеффри Сакс (род. 1954) — американский экономист, руководитель группы экономических советников президента России Бориса Ельцина (1991–1994), специальный советник Генерального секретаря ООН по вопросам борьбы с бедностью, прощения долгов беднейшим странам и контроля за распространением болезней в развивающихся странах (с 2002 года).

Н.В.: ...получали бы...

В.Д.: Такая точка зрения была.

Н.В.: ...автомобильные покрышки и тут их перерабатывали.

В.Д.: В принципе, если перерабатывать и если это экологически не опасно, это даже может иметь определенный смысл.

Н.В.: Он объяснил, что экологически опасно, это вредное производство. (*Смеется.*)

В.Д.: Существует безопасное производство, только вопрос весь в том, сколько будет платить за прием покрышек тот, кто их вывозит. Если он заплатит достаточно, производство может окупиться.

Н.В.: Если оно будет безопасно.

В.Д.: Да, безопасное производство может окупиться. В принципе, безопасное производство дорогое, но можно его сделать.

Н.В.: А есть такая тенденция, что у нас, именно на нашей территории, опасное производство, вредное производство развивается?

В.Д.: В общем, не особенно. Если, конечно, не считать таковыми горные предприятия. Горные предприятия — они экологически вредные, потому что наносят большой ущерб окружающей среде, но непосредственной опасности для здоровья в основном не представляют. Только пыль на открытых разработках, допустим, такие вещи.

Н.В.: А горные — это что?

В.Д.: Это добыча полезных ископаемых. Горная промышленность...

Н.В.: Я знаю, что все эти удобрения.

В.Д.: А это уже переработка...

Н.В.: Переработка. Это тоже же очень вредное.

В.Д.: Это химическое производство, вредное производство. И металлургия, особенно цветная. Ну и черная тоже. Вредная, конечно, коксохимия, практически вся цветная металлургия, особенно медеплавильное производство. Тут вредности таится довольно много, особенно если не заниматься очистными сооружениями, а делать все так, как это делалось сорок, пятьдесят и шестьдесят лет тому назад. А у нас кое-что сохранилось в таком виде и как-то фурычет еще. Так вот если начать такую, поначалу очень осторожную, политику по придавливанию этого сектора налогами и прочими нормами регулирования, это в конце концов может нормализовать ситуацию. Ведь очень мало кто из промышленников выступал за введение платежей за негативное воздействие на окружающую среду...

Н.В.: Ну да-да-да.

В.Д.: ...но ввели же! То же самое может быть и тут.

Н.В.: Там как-то этот вред был очевиднее, а тут, видимо...

В.Д.: Там этот вред был очевиднее.

Н.В.: Мне кажется, что тут не так очевидно: кажется, что это для кого-то, но не для нас.

В.Д.: Там вред наносится индивидууму, а здесь — социальным структурам. Это гораздо хуже констатируется, в этом все дело. Наносимый индивидууму отражается больничным листом, затратами на лечение, он виден по диагнозу. И много еще можно тут разных слов сказать. Такие слова мы не научились пока произносить применительно к социальным болезням.

О разрушении культуры

Н.В.: У меня такое впечатление, еще причина этого в том, что те, кто внедряет всю эту контркультуру,

это ужасное телевидение — группа, которая считает, что их это не касается, это вот для быдла (модное слово, которое я не люблю), а им все равно. Мол, вот мы живем настоящей культурой...

В.Д.: Ну да, у них есть фраза «народ все схавает».

Н.В.: Да. И идет расслоение, навязываемое сознательно определенной группой, которой кажется, что она выше этого, и ее это не коснется. А, по-моему, это ее тоже в конце концов коснется, это же обманчивое впечатление, что их это не касается.

В.Д.: Это, во-первых, безусловно, обманчивое впечатление. Во-вторых, я не думаю, чтобы эти люди сами по себе не кушали это «пойло», которым они кормят народ. Они просто считают, что у этого «пойла» есть первый сорт, а есть второй. Вот второй сорт — это то, что идет под «фанеру», уж совсем дешево, совсем ерунда. Кое-что, как пятна жира на бульоне, они употребляют сами. Эти люди не ходят на концерты классической музыки, не покупают сборников стихов серьезных поэтов. А если и покупают, то только для того, чтобы продемонстрировать: у меня стоит [томик], только для этого. Эти люди не интересуются всерьез настоящим изобразительным искусством, потому что люди, которые любят классическую музыку, читают стихи серьезных поэтов, по-настоящему понимают в живописи, в скульптуре и так далее — эти люди никогда не будут продавать то, что продается на каждом углу. На каждом углу! Не будут они этого делать.

Н.В.: То есть все-таки еще более грустно...

В.Д.: Точно так же, как пацифист не будет торговать оружием.

Н.В.: (*Смеется.*) Значит, прогноз все-таки для нас грустный в основном.

В.Д.: В основном грустный, но я еще раз говорю, что эти истории с запретом вывоза опасных веществ, опасных отходов, то, что в Европе свято сейчас соблюдается, — это может оказаться действенным и в том сюжете, о котором мы говорим, вполне. Просто должно прийти осознание этих опасностей. Пока оно недостаточно. И пока английская королева присваивает титул баронета людям, которые, с моей точки зрения, с культурой не имеют абсолютно ничего общего.

Н.В.: И пока весь мир...

В.Д.:... Успешно занимается ее разрушением. Даже радиостанция «Орфей» (я, когда еду в машине, слушаю радиостанцию «Орфей») — чем дальше, тем она хуже.

Я не люблю Рахманинова, допустим, но, простите меня, исполняются импровизации на тему из финала фортепьянного концерта Рахманинова каким-то джазовым трио из Румынии. Это идет минуты три-четыре. Финал Второго концерта Рахманинова идет (уж не помню, сколько, можно сейчас посмотреть) порядка десяти минут. Там не одна эта тема, там по крайней мере три разных темы, которые развиваются в соответствии с традицией середины XIX века. Сергей Васильевич так дальше этого уровня не продвинулся. Спасал его, конечно, мелодический дар и прочие способности. И после этого на радиостанции «Орфей» говорят: «Вы слушали финал Второго концерта Рахманинова в интерпретации джаз-трио такого-то». Как это можно называть финалом! Вот я вырежу лицо Джоконды, наклею ее как почтовую марку и скажу: «Вот вам репродукция картины Леонардо да Винчи».

Н.В.: Кстати, хорошее сравнение, да.

В.Д.: Примерно так. Но еще лучше, если я вырежу не лицо Джоконды, а одну из двух фигур, которые имеются на картине Тициана «Любовь земная и Любовь Небесная». Естественно, что этих «вырезальщиков» Любовь Небесная абсолютно не интересует, но обнаженную женщину они охотно вырежут и наклеят. И вот вам, да, картина Тициана в интерпретации...

Н.В.: Интересно то, что там все-таки об этих явлениях много говорят... Говорится именно с точки зрения культуры, музыки, что критерии теперь совсем другие, но в связи с экономикой я впервые слышу от вас.

В.Д.: Но в связи с культурой, в связи с обликом цивилизации, так сказать, об этом первым-то очень

серьезно и по делу заговорил Ортега-и-Гассет, великий испанский философ, который написал книгу «Дегуманизация искусства». И многие думают (зная только название и не читая самого Ортеги), что эта книга, так сказать, призывает искусство выступать против человека. На самом деле Ортега говорит совершенно о другом. Он говорит о том, что массовая культура, которая сформировалась вместе с массовым человеком... А этот массовый человек — это человек-потребитель. Книга-то была написана в середине 1920-х годов, но уже тогда это все в достаточно явном виде существовало. Так вот, массовая культура, которая сформировалась вместе с массовым человеком, сформировала этого массового человека, сформировала его вкус. И настоящее искусство вынуждено дегуманизироваться для того, чтобы не играть на этом поле, на этой площадке. Вот он о чем пишет — вынуждено дегуманизироваться, потому что гуманизация направлена на удовлетворение дурного вкуса массового человека, который становится законодателем моды. Весь этот гламур, вся эта... чушь собачья!

Н.В.: Я на это смотрю очень мрачно. Мне кажется...

В.Д.: Я на это тоже смотрю мрачно.

Н.В.: ...что все равно это встало на рельсы, катится. Тут все: и законы рынка, и низменные потребности человека — все идут навстречу друг другу.

В.Д.: Ну вот, и тем не менее, Пигу открыл экстерналии и иллюстрировал это открытие прежде всего экологическими сюжетами. Открыл в 1920 году, даже немножко раньше, если иметь в виду не монографию, а первые статьи, публикации его. До 1965 года никакого реального движения не было. Потом начали люди откровенно умирать от отравления окружающей среды. В Японии все эти случаи...

Н.В.: Да-да-да.

В.Д.: ...поехали, болезнь Минамата и так далее. И... вектор повернулся. Теперь это очень дурной тон — не уделять внимание охране окружающей среды.

Н.В.: Западная-то социальная экономика, для нее экологические вещи главные.

В.Д.: Да-да.

Н.В.: Они отходят от законов рынка.

В.Д.: Но теперь как говорят: «экономика знаний», теперь говорят: «вложение в человека», «в человеческий капитал» и все такое прочее. Рано или поздно наступит понимание того, что настоящий человеческий капитал очень трудно совместим со всем тем, о чем мы с вами сейчас говорим. Всегда бывают исключения.

Н.В.: То, что человеческий капитал — он же тоже...

В.Д.: Всегда бывают исключения.

Н.В.: ...рассматривается только с утилитарной позиции.

В.Д.: С утилитарной.

Н.В.: Да-да.

В.Д.: Этот момент есть, но уж раз мы стали говорить о человеческом капитале, мы обязательно рано или поздно начнем более адекватно к нему относиться, его оценивать.

И, безусловно, не исключено появление великого биолога с дурным вкусом, не исключено. Но, воспитывая в людях дурной вкус, вы сокращаете вероятность появления великих биологов, математиков и так далее.

Креативный класс

Н.В.: А как вы относитесь к теории креативного класса?

В.Д.: Ну, она не теория, она так, набор некоторых суждений, которые можно в основном квалифицировать как полуправда. Что-то там правильно, а что-то следует мейнстриму, самому плохому мейнстриму.

Н.В.: Да-да-да, я поэтому и спросила.

В.Д.: Да. Потому что там не просто следуют мейнстриму, а в каком-то смысле даже навязывается, связывая, если говорить на русском языке, понятие творчества с какими-то абсолютными тенденциями контркультуры.

Н.В.: С маргинализацией.

В.Д.: С маргинализацией, да. Там ведь тоже есть свои варианты и свои разновидности. Если заниматься вивисекцией текстов, то есть брать тексты и убирать из них некоторые слова, которые вам кажутся привязкой к частным случаям, стараться при этом выделить общее, то вот из того, что пишут теоретики креативного класса, можно сделать вполне здравые суждения, таким методом вычеркивания. Может быть, они встанут на дыбы при этом, но я хочу сказать другое. Я хочу сказать, что даже в этом содержится некая структура, которая на самом деле больше и лучше, чем то, чего они на самом деле хотят и ради чего проповедуют.

Н.В.: Не поняла.

В.Д.: Вот если это попытаться обобщить, с одной стороны, сужая поле их рассмотрения, а с другой — расширяя его, это все равно обобщение, морфизм, то можно получить вполне здравые вещи, вполне. И это говорит о том, что они действуют в рамках некой структуры, содержащей в себе здоровые элементы. Но просто больных больше.

Н.В.: Здоровые идеи есть, но потом на нее нарастает много всего.

В.Д.: Нарастает, но потом начинается некое очищение, на которое я рассчитываю.

Н.В.: Наверное, дай бог.

В.Д.: Может начаться.

Н.В.: Может начаться скорее, да.

В.Д.: Может начаться. Но рассчитываю не в том смысле... Я сторонник точки зрения Поппера о непредсказуемости будущего, но если у нас есть какой-то выбор, здесь и есть альтернатива, которую можно выбрать, понимаете.

Н.В.: Но пока мы выбираем самое плохое.

В.Д.: Да, совершенно верно, пока мы выбираем самое плохое. Пока. До 1950 года строили самые грязные производства, какие только можно. Пока. 1950-е — 1960-е годы — это некий период осмысления, сначала очень робкого...

Н.В.: Да-да.

В.Д.: ...очень робкого, потом пошло по нарастающей. А в 1972 году — конференция в Стокгольме, доклад «Пределы роста» Медоуза и еще двух соавторов, Рандерса и... забыл фамилию*, тут уже карты были выложены на стол, и сделать вид, что они на столе не лежат, уже нельзя. Их уже нельзя закрыть салфеткой, вот они. Они должны лежать, это все знают. Делается мало. Чего стоят усилия некоторых фирм в области охраны окружающей среды, практика это регулярно показывает. ВР пятнадцать лет назад, если не больше, объявила, что она уже не считает себя нефтяной фирмой, а считает себя энергетической фирмой, которая стремится к экологической чистоте и прочее. А потом произошла катастрофа в Мексиканском заливе.

* Авторы доклада 1972 года «Пределы роста» — Донелла Медоуз, Деннис Медоуз, Йорген Рандерс и Уильям Беренс.

Н.В.: Да-да, жуткая катастрофа.

В.Д.: А почему она произошла? Потому что явно сэкономили. Причем здесь ответ даже более однозначный, чем в случае с катастрофой, которая случилась с эксоновским танкером. Там ущерб был еще больше, но там можно было это отнести на экстраординарные факторы, внешние.

Н.В.: Ну да, а тут просто вопиющий был [случай]...

В.Д.: Там ничего не произошло, не было ни землетрясений, ни вулканов. Там хорошо было известно, где бурили, и какое там дно, и что внизу — все это было прекрасно известно. Провести огромный танкер через узкий пролив — это, простите меня... Там всегда какие-то неизвестности есть. Для этого и существуют лоцманы, которые время от времени ошибаются. Там можно было свалить на человеческий фактор, хотя, если уж совсем строго судить, конечно, нельзя. Но все-таки какие-то слова жалкие произнести можно. А тут жалких слов произнести нельзя никаких, тут нет абсолютно никакого оправдания. Тут чистая, заранее сделанная ошибка.

Н.В.: Даже не понятно, вычистили они потом все это?

В.Д.: Все вычистить невозможно, но кое-чего почистили.

Н.В.: Ну да-да.

В.Д.: Кое-что осталось, кое-что осело, кое-что не принесло особого вреда с учетом того, что Мексиканский залив и до этого был самым грязным участком Мирового океана... (*Смеется.*) Именно по нефтяному загрязнению.

Н.В.: Одно к одному.

В.Д.: Одно к одному, да.

Сотрудничество с международными организациями

Н.В.: Виктор Иванович, вы рассказывали, что в бытность вашу министром вы много сотрудничали с международными организациями, подписывали соглашения. А что сейчас, как-то мы связаны с международным экологическим движением или мы теперь...

В.Д.: Мы не принимаем активного участия. Мы посылаем людей на разные форумы и так далее, но они совершенно не играют там активной роли. Очень часто мы бываем представлены просто сотрудником посольства, которое находится в этой стране. И все! Но даже если едут чиновники более высокого ранга, среагировать на ситуацию они не могут. Они привозят с собой заранее заготовленный аппаратом весьма среднего качества доклад, как правило, ниже среднего качества. Они его зачитывают, и на этом их участие кончается. В открытых дискуссиях, которые регулярно происходили в 1990-е годы, все время происходили, они не участвуют, боятся открыть рот.

Н.В.: Я даже немножко другое имела в виду, то есть не просто такое сотрудничество, а те законы, которые принимаются. Как-то на нас это влияет? Или мы живем своей жизнью, а мир живет другой жизнью?

В.Д.: Если иметь в виду, например, водное законодательство, которое очень развито в Европейском Союзе (десятки директив Европейского Союза обязательны для исполнения во всех странах Европейского Союза), мы, конечно, постоянно о них пишем, постоянно пишем о том, как эти идеи должны были бы быть использованы в Российской Федерации или что нужно было бы сделать вместо них, поскольку у нас совершенно другие природные и прочие условия. В Европе нет такого понятия, как «сток с мерзлого грунта», а у нас это, сами понимаете... (*Смеется.*)

Н.В.: Ну да.

В.Д.: В прогнозировании стока чуть ли не номер один. Мы об этом постоянно говорим и пишем, но это пока никакого отражения не нашло в тех реальных законах и подзаконных актах, которые у нас работают.

Н.В.: Вот это я и имела в виду.

В.Д.: Вот это, да.

Н.В.: А как вы к «Гринпис» относитесь?

В.Д.: Чем занимается «Гринпис»? «Гринпис» обращает внимание общественности на экологические экстерналии. Вот этим он занимается. На уже состоявшиеся экстерналии и на ситуации, которые угрожают возникновением экстерналиев. При этом он пользуется очень широким арсеналом методов и предпочитает методы, я бы сказал, возгонно-ударного типа.

Н.В.: Почему? Потому что они лучше действуют?

В.Д.: Конечно, потому что «не заорешь — не услышат».

Н.В.: Ну да, только так можно привлечь...

В.Д.: Только так. Есть много рассуждений о том, на чьи деньги живет «Гринпис», кто его покупает и так далее. Я не люблю рассуждения на эту тему просто потому, что много раз видел противоречия в том, что в этом духе говорят одни, и в том, что в этом же духе говорят другие. Кто-то говорит, что «Гринпис» — это ставленник нефтяных компаний, поэтому он выступает против атомной энергетики. Но я видел кучу акций «Гринписа» не только против нашего «Газпрома», но и против европейских и американских нефтяных компаний. Так что почему я должен этому верить? Я не очень...

Н.В.: Ну а против атомных станций они не выступали?

В.Д.: Вот я и говорю, что...

Н.В.: Да-да.

В.Д.: ...самые яркие акции были по поводу атомных дел, куда уж денешься. И я, соответственно, тоже считаю, что как экологическая опасность атомная промышленность — вещь более серьезная, чем нефтяная, хотя я ни в какой степени не склонен снижать опасности нефтяной или, скажем, угольной промышленности. Газ — это гораздо более мягко, в общем-то — но после того как его добыли нормально. А если для того чтобы его добыть, пускаются во все тяжкие, губят экосистемы, то, простите меня, этого делать нельзя. Так что...

Н.В.: Но «Гринпис» тоже, наверное, тут не поможет.

В.Д.: Ну не знаю, поможет — не поможет, тем не менее...

Н.В.: А вот эта последняя скандальная акция... Все-таки она обоснована была? То есть там был здравый смысл какой-то?*

В.Д.: Я думаю, что экологические последствия этих разработок остаются плохо выявленными. И что если трактовать эту акцию как призыв всерьез заняться наконец экологическим анализом всего, что творится на этой платформе, если будут выявлены (а может быть, «Гринпису» они известны и уже выявлены, я не очень-то в курсе этих дел), вот если они будут выявлены, и тем более если уже выявлены эти опасности, то заняться самыми серьезными мерами для предотвращения негативных последствий...

Н.В.: Ну то есть везде нужна более жесткая и квалифицированная экспертиза.

* Скорее всего имеется в виду самая громкая акция последних лет — протест против бурения в Арктике. В частности, в ней участвовало судно «Гринпис» «Арктик Санрайз» и нефтяная платформа «Приразломная», принадлежащая российской компании Газпром-Нефть. В результате этой акции против активистов «Гринпис» было заведено уголовное дело Следственным Комитетом РФ.

В.Д.: Когда-то экспертиза была очень жесткая. Я говорил вам, кажется...

Н.В.: Да-да-да-да, интересный рассказ был.

В.Д.: Но эта экспертиза совершенно умерла с тех пор, с 2000 года ее нет. Та экспертиза, которая есть с 2000 года, — это совсем другая экспертиза, которая иначе работает, иначе думает, иначе судит.

Н.В.: И другие люди там.

В.Д.: Даже если туда иногда и попадают люди из прежних составов экспертных советов и комиссий, то, наверное, они теперь уже ведут себя иначе.

Некоторые люди, которые не изменили принципам, господствовавшим в 1990-е годы, находят себе работу. Они находят себе работу на фирмах, которые хотят о себе, пусть даже под грифом «Совершенно секретно», знать правду.

Н.В.: Интересно!

В.Д.: И они там работают, занимаются выявлением всех этих последствий. Ну и, наверное, дают подписку о неразглашении этих результатов. Но я знаю, что такие прецеденты есть.

Н.В.: Это интересно, что все-таки фирмы хотят понимать, что они делают.

В.Д.: Ну а как же! Если они работают на экспорт, они ждут очень серьезных запросов со стороны импортеров...

Н.В.: Да-да-да.

В.Д.: ...у которых действует свое законодательство, все чаще и чаще запрещающее покупать не просто экологически грязный продукт, но продукт, пусть даже сам по себе экологически чистый, но произведенный «грязными» технологиями. Вот ведь...

Н.В.: Ну да, то, что вред наносит природе.

В.Д.: ...в чем секрет. Это как с трансграничной перевозкой опасных отходов. Это начинает становиться не исключением... Еще не правилом, если иметь в виду широкую область применения принципа, а не просто трансграничную перевозку отходов — там-то это правило, но если эту философию иметь в виду, она становится не исключением в части трансграничной перевозки отходов, а правилом жизни. Для охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности человечество все еще делает очень мало, но по сравнению с тем, что было и что можно было ожидать тридцать лет назад, оно, представьте себе, делает довольно много.

Н.В.: Продвинулось.

Социальная экология

В.Д.: То, что экологический рынок перевалит за триллион долларов, этого тогда никто не ожидал. Задачи оказались более серьезными...

Н.В.: А что такое «экологический рынок»?

В.Д.: Это рынок товаров и услуг, которые имеют своей целью охрану окружающей среды. Это очистные устройства, консультационные услуги, экологический менеджмент и так далее.

Н.В.: Все, поняла, да-да.

В.Д.: Все, что продается и покупается с этими целями, — это экологический рынок. Это все коагулянты, флокулянты и прочие. Стало быть, не только технологии, но и материалы, которые нужны для их работы.

Н.В.: Значит, с экологией природы, не знаю, правильно я говорю или нет, что-то делается, а экология человека отстает, потому что то, о чем вы говорили (*смеется*) — о культуре, — это все-таки экология человека.

В.Д.: Я ввел бы три понятия: вот, экология природы, если угодно, экология человека-индивида и социальная экология.

Н.В.: Да, экология социума.

В.Д.: По экологии человека-индивида есть определенный прогресс.

Н.В.: Это что вы имеете в виду?

В.Д.: Во всяком случае, шум относительно недопустимости продажи немаркированных товаров, когда вы покупаете неизвестно что, а там могут быть генномодифицированные продукты, там могут быть все эти вкусовые и прочие...

Н.В.: Добавки, да.

В.Д.: ...добавки, которые вредны для здоровья. В Европе это уже работает. Если вы грамотный человек, вы всегда можете прочитать и понять, что вы покупаете. И сообразно со своими возможностями выбирать то, что вам нужно. Это регулярные кампании против этого вреда. Это публичные кампании, которые совсем не обязательно делает «Гринпис», которые делает Общество потребителей и разные другие...

Принципы современной науки

Н.В.: А сейчас особенно опасно, потому что сейчас, когда перешли в оценках в науке на какие-то количественные критерии, все кинулись... Почему так много работ? Все кинулись печатать, и теперь у нас есть люди...

В.Д.: Все журналы стали ваковскими, почти все.

Н.В.: ...которые по двадцать статей в год пишут! Я даже вообразить этого не могу: как может человек двадцать статей написать в ваковский журнал?!

В.Д.: У меня есть экземпляр одного журнала, в рабочем, институтском, кабинете. Уж не буду его называть. Это ваковский журнал, о чем торжественно сообщается, скажем, на титульном листе, причем выделено, не заметить невозможно. В этом номере, допустим, двенадцать-пятнадцать статей, как обычно в журнале, и нет ни одной статьи, где не было бы ссылки на главного редактора. Среднее количество цитирований главного редактора на статью — четыре или пять, то есть просто обоймами!

Н.В.: Ну да, технологии осваиваются.

В.Д.: Ни одной статьи, которую я считал бы стопроцентно научной, в этом журнале я не нашел, в этом номере. И судя по названиям — я не стал копаться — статей главного редактора, на которые там идут

ссылки, там никакой науки и в помине нет.

Н.В.: Ну да, а будет цитируемость, будет.

В.Д.: Ну, у него уже зашкаливает. Правда, я думаю, что импакт-фактор самого журнала где-то очень внизу, но...

Н.В.: Сейчас все кинулись [публиковаться], поэтому важное знание, оно пропадает, оно лежит под спудом.

В.Д.: Здесь можно олигополию устроить: три журнала могут договориться о перекрестном цитировании — и импакт-фактор будет колоссальный!

Н.В.: Во всем мире так и делается, это известно тоже. (*Смеются.*) Известно, что университеты ведущие договариваются между собой, взаимоцитированием занимаются. Не хочется об этом говорить. Я хотела вас расспросить подробнее: все говорят об омоложении науки, а вы как директор института просто вынуждены этим заниматься. Действительно, что...

В.Д.: Ну что?

Н.В.: Что в вашем институте происходит?

В.Д.: Слово «вынуждены» я не стал бы употреблять, потому что... не следует называть вынужденностью искреннее стремление, понимаете? «Вынуждены» — это то, что заставляют делать.

Н.В.: (*Смеется.*) Я не имела в виду «заставляют».

В.Д.: Может быть, кто-то нас и заставляет...

Н.В.: Жизнь, жизнь заставляет, я имела в виду.

В.Д.: ...но мы совершенно независимы от всех этих усилий, которые предпринимаются сверху и сбоку. Мы сами очень хотим оставить после себя людей, которые будут в состоянии продолжать наше дело. Мы очень стараемся привлекать молодежь, очень стараемся.

Н.В.: А как вы это делаете?

В.Д.: Ну как? Во-первых, тут нам даже подарок сделали: нам подарили шесть ставок, специально для молодых. У нас двести тридцать человек в институте...

Н.В.: Из Академии, да?

В.Д.: Из Академии. Это было года полтора назад. Аспирантура у нас есть. В этой аспирантуре больше двадцати человек обучается одновременно, двадцать пять, по-моему, в данный момент. Это неплохое соотношение: двадцать пять аспирантов на двести тридцать сотрудников, совсем даже неплохое, потому что я видел институты, где на сто семьдесят человек был один аспирант, академические институты, своими глазами видел. Но...

Н.В.: Но у вас область не такая привлекательная, как, например, экономика, куда идут многие в аспирантуру.

В.Д.: Ну да.

Н.В.: И потом мечтают сделать определенную карьеру, совсем не в науке.

В.Д.: Да, я понимаю прекрасно. Но я по этому поводу что могу сказать? Я же еще и преподаю, я вижу студентов, вижу, как они слушают, как сдают экзамены и зачеты, которые я у них принимаю, как они пишут разные работы: курсовые, выпускные...

Н.В.: А вы преподаете в каком...

В.Д.: Я преподаю в МГУ на факультете государственного управления и в РУДН на экологическом

факультете. Я заведу двумя кафедрами: там и там. Я вам могу с полной ответственностью сказать, что раньше студенты были посильнее. Это относится не только к мехмату, когда я там учился, об этом можно не говорить, потому что Мехмат, Физтех — они сильно отличались от других вузов. Но я преподавал в разных вузах: в том же РУДН уже в 1970-е — 1980-е годы, в том же МГУ на экономическом факультете, и не только на экономическом.

Я довольно много читал разных лекций. Когда читаешь лекции, по вопросам, которые тебе задают или не задают, можно составить представление об аудитории, даже и без всяких экзаменов. Так вот, качество студентов непрерывно ухудшается.

Это совершенно точно. И дело не в том, что они меньше знают, чем студенты прежних лет (а они знают действительно меньше), дело еще и в том, что они не очень-то хотят знать. Дело в том, что у них того, что можно назвать креативностью, а Лев Николаевич Гумилев назвал бы пассионарностью, а Бергсон назвал бы жизненным порывом — у них этого удивительно меньше стало. И я это связываю с воздействием той самой контркультуры, субкультуры, того самого снижения духовности, о котором мы с вами говорили, безусловно связываю с этим. Я не думаю, чтобы человеческий материал сам по себе ухудшился, нет. Очень часто либералы и... антикоммунисты, так сказать, любят повторять, что поскольку миллионы людей пали жертвами тоталитарного режима, у нас генофонд разрушен или что-то с ним нехорошее сделано, что у нас порода ухудшилась. Дело в том, что за два поколения это нельзя сделать, сколько ни вырезай. Это невозможно, утверждение это абсолютно противоречит законам генетики.

” Так что человеческий материал сам по себе не изменился. Изменились условия социализации, изменился социум.

Н.В.: То есть эти ребята молодые — они или вообще ничем не интересуются, или интересуются чем-то другим?

В.Д.: Или интересуются деньгами.

Н.В.: Деньгами.

В.Д.: И возможностью заработать их как можно легче.

Н.В.: И получить какие-то блага.

В.Д.: Да, вот это...

Н.В.: Не важно какие, гламурные, там...

В.Д.: «По моему хотению, по щучьему велению». Ну ладно, шуки нет, но «бабки», заработать «бабки» как можно более простым, надежным способом, чтобы после этого потратить их гламурным образом. Вот все. Это, конечно, не всех касается, не всех...

Н.В.: А какой процент все-таки хороших ребят...

В.Д.: Пять.

Н.В.: Пять процентов?

В.Д.: Да.

Н.В.: Среди студентов?

В.Д.: Среди студентов. Понимаете, у нас на мехмате, когда я учился, было десять процентов, я бы сказал...

Н.В.: Неспособных.

В.Д.: ...«порченных», так сказать, десять или меньше. Причем (вот я москвич и все такое), когда я поступил

на мехмат, моими любимыми композиторами были, скажем, Брукнер и Скрябин. Поэтому я в первый момент большое количество иногородних студентов, которые еще не воспитались, воспринял как серую массу. Но потом-то, и довольно быстро, я понял, что это совершенно не так, что они просто не раскрылись. И они обязательно раскроются, потому что попали в ту среду, которая способствует этому раскрытию, а внутри-то у них все для этого раскрытия готово. И так оно, собственно говоря, и было. А вот сейчас я смотрю на элитных москвичей — на элитных, потому что бывают совершенно элитные аудитории, где все студенты приезжают на машинах, которые заведомо дороже, чем та, на которой езжу я. Все!

Н.В.: Да-да-да.

В.Д.: И я вижу, что их ничто не интересует. Вообще!

Н.В.: Мне очень понравилось, как вы рассказывали, как пришли в ЦЭМИ, какой это был действительно то, что вы назвали...

В.Д.: Жизненный порыв.

Н.В.: Вот этот порыв, да, и я не знаю (*смеется*), пассионарность, да...

В.Д.: Да.

Н.В.: Как все горели, как всем хотелось что-то такое совершить.

В.Д.: Да-да-да.

Молодые ученые

Н.В.: Теперь этого нет? К вам ребята молодые приходят, как они? Как вы с ними работаете? Что они из себя представляют — те, кто пришел? Мотивации у них какие?

В.Д.: Есть, есть хорошие мальчики. Мало. Есть хорошие девочки. Некоторые из них остаются для меня отчасти загадкой. Очень мешает их занятиям наукой то, что практически все они работают, практически все.

Н.В.: Где-то еще.

В.Д.: Ну да, где-то еще, а заочники — там, где им работать положено...

Н.В.: Ну это аспиранты, а сотрудники? Все равно работают где-то?

В.Д.: Сотрудники некоторые работают, некоторые нет. Дело в том, что активно работающий молодой человек вполне может заработать и в институте сейчас, потому что у нас много проектов, много заказных работ, и это другие деньги, отдельные совершенно. У нас двадцать три, что ли, гранта РФФИ было, я надеюсь, что какие-то гранты будут и дальше. Сейчас их двадцать три. И эти доходы, помимо основного оклада, выводят наших ребят на вполне приличный уровень. У нас за прошлый год средняя зарплата научного сотрудника была тридцать девять тысяч.

Н.В.: О! То есть по всему институту, всех.

В.Д.: Средняя зарплата научного сотрудника, от младшего до директора включительно. Поскольку есть довольно пассивные подразделения, которые неплохо занимаются фундаментальной наукой, но почти не имеют грантов, договоров и так далее — такие есть, не нужно думать, что этот уровень, тридцать девять тысяч, обеспечивается, скажем, докторами, потому что есть доктора, которые едва на эту среднюю выходят. А есть младшие научные сотрудники, которые почти столько же получают.

Н.В.: Я как раз об этом думала, что в невыигрышном положении... У нас же ведь то же самое в институте: есть подразделения, которые живут на заказах, на коммерческих заказах, и там ребята активно работают,

а есть те, кто... Например, тот, кто занимается социальными проблемами. Там нет ни грантов — ничего, а темы-то нужные.

В.Д.: У нас почти нет коммерческих заказов. Те заказы, о которых я говорю, это заказы по федеральным целевым программам. Это все считается НИРом, причем, когда защищается готовая работа, требуется обосновать научную новизну, как в кандидатской или докторской диссертации.

Н.В.: Ну да-да.

В.Д.: Так что таких работ, за которые мы получали бы заметные деньги и которые не содержали бы серьезный научный компонент, у нас...

Н.В.: У вас нет таких.

В.Д.: Две-три, может быть, в году, но не больше.

Н.В.: А сколько у вас всего молодых?

В.Д.: Ну, если иметь в виду...

Н.В.: До тридцати лет кандидаты... и доктора до сорока.

В.Д.: Такой статистики наизусть я не помню.

Н.В.: Приблизительно все-таки.

В.Д.: Да нет, я хотел бы точные цифры привести, тем более, что они в отчетах содержатся, но я их не помню, потому что я как-то такую статистику не очень, что ли. Когда всех этих людей знаешь, зачем тебе статистика.

Н.В.: А вы практически же всех знаете сотрудников.

В.Д.: Сотрудников знаю практически всех, аспирантов регулярно слушаю. У нас аттестация будет в конце этого месяца, очередная аттестация аспирантов. А докторов-то моложе сорока у нас нет, увы, ни одного...

Н.В.: А средний возраст вообще мало представлен, средний возраст такой, сорок-пятьдесят лет.

В.Д.: В том-то и дело, что этот интервал от сорока до пятидесяти, можно даже от тридцати пяти считать, — это все вырублено, этого притока нет.

Н.В.: А как вам кажется, что этими ребятами руководит, которые сейчас идут работать в академический институт? Какая у них мотивация? Про себя вы хорошо рассказали, что да, это было естественно.

В.Д.: Есть у них интерес к той деятельности.

Н.В.: Все-таки интерес к науке?

В.Д.: Есть интерес к научной деятельности. Потом, понимаете, куда идти человеку, получившему магистерскую степень, или бакалавру? Бакалавры почти все идут в магистры, кроме тех, кто сразу уезжает за границу за бакалаврским дипломом. Куда ему идти? Бизнес — раз, госслужба — два, наука — три. Наука и преподавание в вузе.

Н.В.: Ну да, это почти...

В.Д.: Это одно и то же, будем считать. Вот три направления. Но! Бизнес многих пугает, потому что в бизнес-сообществах бывают такие вещи, которых у меня в институте точно нет, всякого разного толка и сорта, причем от людей, которые работают в бизнесе, я регулярно о чем-то таком слышу. Скажем, «я ушел...» или «я ушла по такой-то причине». Этой причины у нас в институте не бывает, я вам совершенно точно говорю. Что касается чиновничьей среды. Много народа ненавидит чиновников. Если нет особенно острой нужды в деньгах и если папа говорит, работающий в бизнесе (и благодаря этому нет особо острой нужды в деньгах): «Да не лезь ты в эту грязь! Я тебя еще тридцать лет кормить буду, попробуй!» — то отчего

не пойти?

Н.В.: Да, но будут ли из них ученые... Ведь был же такой период, в ЦЭМИ сколько вышло ярких личностей, настоящих ученых. Это же целый букет.

В.Д.: Целый букет.

Н.В.: А что сейчас? Что из них сейчас выйдет?

В.Д.: Я не исключаю, что некоторые из них всерьез прорвутся, не по формальным показателям, а всерьез.

Н.В.: Всерьез.

В.Д.: Не исключаю, да. Может быть, они совсем редко будут такими яркими, как «шестидесятники из науки», тем не менее...

Н.В.: Потому что есть этот интерес к науке.

В.Д.: Потому что есть этот интерес и потому что есть восприятие науки как своего дела.

Н.В.: Замечательные слова, потому что я много разговаривала с молодыми, с ребятами и меня поражало: те, кто хочет остаться и работать дальше, говорят: «Да, я буду, меня все устраивает, хотя в принципе наука — не мое». И это я слышу сплошь и рядом.

В.Д.: Это приговор.

Н.В.: Да, просто эти слова.

В.Д.: Эти люди не задержатся. Как только их помянут... кусочком калача, они исчезнут.

Н.В.: То, что они исчезнут — это ладно, а плохо, если они останутся.

В.Д.: На подсобной работе они тоже могут быть полезны.

Н.В.: А вот меня еще другое интересует: ведь на молодежь нужно очень много времени тратить. Кто с ними занимается? Как это все у вас устроено?

В.Д.: Вы знаете, если...

Н.В.: Их же надо учить.

В.Д.: Если у молодого человека есть к этому тяга, это не проблема. Как было в ЦЭМИ? В ЦЭМИ все время варилась какая-то «каша»...

Н.В.: Да.

В.Д.: Все время! Она непрерывно бурлила, непрерывно люди обсуждали какие-то научные проблемы. Это происходило не только на семинарах. Это происходило в каждой лаборатории, как только там собирались три человека.

Н.В.: Да-да, это жизнь, это среда была...

В.Д.: Все время, да. Это были споры, иногда с последствиями, тем не менее это все время было. Вот этот момент... почти исчез, как мне кажется, из научной среды. Старики друг с другом разговаривают, спорят по-прежнему...

Н.В.: Но тоже, наверное, не по-прежнему.

В.Д.: Ну, не так страстно...

Н.В.: Все-таки уходит это, да-да.

В.Д.: .. как в молодости, да.

Н.В.: Эта пассионарность уходит.

В.Д.: Но есть граждане, которые жизнь готовы тут же отдать за правду, немедленно, не раздумывая. У нас в институте есть такие. И немало, этот не один-два, которые ввязываются в любой научный спор, если у него есть что сказать, в любой, пусть даже это его непосредственно сейчас не касается. Вот это обязательно. Но это, конечно, люди, которым за шестьдесят... в лучшем случае.

Н.В.: Мягко говоря.

В.Д.: Мягко говоря. Вот этот момент...

Н.В.: А могут ли молодые без такой среды, без общей такой атмосферы? Что они сами могут сделать? Знаете, меня поразило, что, например, те, кто у нас в институте работает, они себя не ассоциируют с институтом. Они себя ассоциируют только со своим завлабом, со своей лабораторией. Все, дальше этого как будто нет такого...

В.Д.: У нас институтская гордость присутствует. Безусловно присутствует. И мы очень стараемся, чтобы они вылезали за границы вот эти... Мы все обсуждаем, и аттестации у нас проходят всерьез. Это не лабораторная аттестация! Это на специальной комиссии, в которой человек пятнадцать сидит да плюс приходят все научные руководители, да плюс «болельщики» из лабораторий приходят, да плюс приходят другие молодые, которые не аспиранты, чтобы посмотреть...

Н.В.: Ну, это аттестация...

В.Д.: Аспирантов.

Н.В.: А, аспирантов.

В.Д.: Аспирантов аттестация. Это такое действие, к которому все относятся очень серьезно... Но, опять-таки, вы говорите, без этого момента может ли из них что-то совершенно серьезное получиться...

Н.В.: Более индивидуализированная, мне кажется сейчас, работа.

В.Д.: Есть области науки, где эта индивидуализация всегда была в гораздо большей степени, чем в ЦЭМИ в 1960-е — 1970-е годы. Это, в частности, математика.

Н.В.: Да, в математике оно все-таки работает...

В.Д.: У математиков бывают семинары, и на этих семинарах бывают бурные обсуждения, это все бывает, но значительная часть математиков — это одиночки. И я не только Перельмана имею в виду, бывают «тихие» математики, не пошедшие дальше кандидатской степени, — который работает один, и все!

Н.В.: Да-да, это такой тип работы, это я понимаю.

В.Д.: То, что ему нужно, он прочитает, и... самый для него популярный вопрос, который он чаще всего задает, это «где прочитать?». Не «расскажите мне», не «объясните мне, что это такое»...

Н.В.: А потому что он привык самостоятельно работать.

В.Д.: ...а «где это опубликовано».

Н.В.: А ваши молодые люди, они самостоятельно работают или с ними надо нянчиться?

В.Д.: Я бы не употребил слово «нянчиться». С некоторыми, конечно, надо нянчиться. Но у нас есть замечательные руководители, которые постоянно работают с этими ребятами, не нянчатся, а постоянно, целенаправленно, планомерно работают. Вот Григорий Матвеевич Баренбойм, ему семьдесят лет исполнилось в 2013 году. Это замечательный ученый и замечательный исследователь...

Н.В.: Он же математик, по-моему, нет?

В.Д.: Нет.

Н.В.: Это другой, что ли?

В.Д.: Он доктор физико-математических наук. Не знаю, может, есть и математик Баренбойм... Вот сейчас он занимается мониторингом, химической аналитикой и так далее. Может быть, он раньше был поближе, даже не знаю, к биофизике, к биохимии. Но я-то его давно знаю, с 1980-х годов...

Н.В.: Он откуда к вам пришел?

В.Д.: У него был собственный центр экологического мониторинга или что-то в таком духе при Минприроды. Как многие другие полезные организации при Минприроды, в 2000-х годах этот центр был закрыт, и он пришел к нам. Мы его с большим удовольствием взяли... И кроме удовлетворения я ничего не испытываю.

Н.В.: И он работает с ребятами?

В.Д.: Вокруг него стайка целая, человека четыре, по крайней мере...

Н.В.: Потому что им интересно с ним.

В.Д.: ...даже пять. Им интересно с ним. У них всегда есть конкретная работа. Эта конкретная работа всегда обсуждается и так далее.

Н.В.: Это хорошее слово — «конкретная работа», когда это не просто пришел человек...

В.Д.: Конкретная работа.

Н.В.: ...который не знает, что делать. Мне как-то жалко иногда этих руководителей, потому что все-таки это люди, мягко говоря, за шестьдесят, и им очень тяжело...

В.Д.: Возиться с учеником, который знает, что наука — это не его — это очень тяжелый труд, очень. Даже если он старается.

Н.В.: Знаете, да, мне кажется, что...

В.Д.: У этих людей всегда чего-то не хватает. Все равно нужна какая-то своя инициатива, а тут это бывает, к великому сожалению, довольно часто: человек, который ничего придумать не может, даже совсем простого. Ему говорят: «Постройте, пожалуйста, эту таблицу, постарайтесь. У нее в строках должно быть то-то, а в столбцах должно быть то-то. Постарайтесь найти похожие столбцы, чтобы какая-то корреляция выявлялась». Не может!

Н.В.: То есть надо, чтобы кто-то...

В.Д.: А разговариваешь — вроде умный человек. Читаешь, какой он реферат написал при поступлении в аспирантуру, — очень хороший реферат, большое количество литературы обзрел, пятьдесят...

Н.В.: Критически.

В.Д.: ...пятьдесят названий у него в «Литературе» [указано], и по поводу каждого названия что-то сказано. Он не просто надрал, нащипал...

Н.В.: Да-да-да.

В.Д.: ...а что-то сказал, что-то описал из этого источника, что там сделано. Даже сумел сгруппировать тематически: эта тема раскрывается там-то, там-то, там-то, там-то, этот говорит так, а этот говорит наоборот — в таком духе. Очень приличный реферат написал. Читаешь такой реферат, даже сам иногда что-нибудь узнаешь. А потом выясняется, что никак: «из болота тащить бегемота».

Н.В.: А у вас больше мальчиков идет или девочек?

В.Д.: Девочек. Но мальчики приходят и уходят, не окончив аспирантуры и ни разу не аттестовавшись, потому что они пришли не в аспирантуру, а «косить» от армии.

Н.В.: Да-да, это большая беда.

В.Д.: Что поделаешь.

Н.В.: А остается мало их, кто кончает...

В.Д.: Остаются, остаются.

Н.В.: Все-таки некоторые хотят же диссертацию защитить?

В.Д.: Хотят, хотят.

Н.В.: То есть вы думаете, что сейчас защищать диссертацию — это престижно, или уже не рвутся к этому?

В.Д.: А почему все чиновники в предшествующие годы — сейчас-то с этим пытаются наводить порядок, все эти скандалы в ВАКе...

Н.В.: Для чиновников, наверно, это престижно.

В.Д.: Престижно, да, но и для всех престижно. Он на визитной карточке пишет «Doctor of science».

Н.В.: Ребята тоже многие просто хотят защитить диссертацию.

В.Д.: Да, хотят иметь степень.

Н.В.: А у вас бывает, что защищаются и уходят?

В.Д.: Пожалуй, нет. Хотя нет, был случай, может быть, даже два случая. Один мальчик, который считался одним из самых лучших, ушел со второго года заочной аспирантуры. Он работал у нас, был заочный аспирант, ушел работать в другое место, но аспирантуру не бросает. Но ушел. Видимо, степень ему нужна...

Н.В.: Да-да.

В.Д.: Продолжает работать, но уже не в институте.

Н.В.: Это, конечно, сложно. Сложно сейчас, мне кажется, молодежь приобщить к науке, чтобы из них что-то такое получилось.

В.Д.: Сложно, сложно. «Вырубленность» поколения от тридцати пяти до пятидесяти, она имеет тяжелые последствия и для следующего поколения.

Н.В.: Потому что нет непосредственной связи, передачи?

В.Д.: Потому что прервалась связь времен, как сказано.

Н.В.: А что институт делает? Только то, что их вовлекают в гранты, чтобы им денег прибавить? Что сам институт делает для молодежи?

В.Д.: Старается.

Н.В.: Что значит «старается»?

В.Д.: Стараемся разные вещи делать. Мы каждый год проводим молодежную конференцию, каждый год.

Н.В.: Только молодежь в ней принимает участие?

В.Д.: Только молодежь!

Н.В.: А вам кажется, что это хорошо для них?

В.Д.: Мы публикуем все доклады, она у нас международная. Доклады — это приличная книжка. Из дальнего зарубежья не ездят, из СНГ, так сказать...

Н.В.: Да-да.

В.Д.: ...сколько угодно.

Н.В.: А вам кажется, это хорошо — сейчас очень много отдельных конференций для молодежи? Ведь раньше этого не было.

В.Д.: Раньше этого не было... У нас таких конференций было семь штук, и мы считаем, что это, безусловно, полезно.

Н.В.: А что, им легче просто, когда это молодежная конференция? Им, наверное, трудно, когда это просто международная конференция, для всех?

В.Д.: Во-первых, им трудно пробиться на конференцию...

Н.В.: Серьезную конференцию.

В.Д.: Да, потому что, если там отбор, то шансов совсем мало. Здесь к ним относятся гораздо более снисходительно, и они выступают. Они же все выступают перед аудиторией, из которой им задают вопросы, которая заинтересованно и внимательно их слушает. И это для них хорошая репетиция.

Н.В.: Это школа просто такая.

В.Д.: Это школа, это полезно. Если сам не знаешь, чем занимаешься, то, сделав такой докладик, может быть, и узнаешь.

Н.В.: Да-да (*смеется*), поймешь.

В.Д.: Поймешь. Так что я считаю, что это очень полезно.

Н.В.: А как раньше вы пробивались? Никаких не было для вас специальных конференций...

В.Д.: Раньше и требования были... Можно было защитить кандидатскую диссертацию с двумя-тремя публикациями, понятия рецензируемого или ваковского журнала не существовало, чего там.

Н.В.: Так вы думаете, что легче было?

В.Д.: В этом отношении — да.

Н.В.: В формальном. В бюрократическом.

В.Д.: Но пройти совет...

Н.В.: Я и хочу сказать, что это было...

В.Д.: ...доказать совету, что ты заслуживаешь кандидатскую степень, было, конечно, труднее. Но, знаете, у нас очень строгий совет. У нас совет такой же строгий, какие были в 1960-е годы. И сама процедура у нас строгая и сложная. У нас сначала лаборатория, обязательно. Я это для кандидатов говорю, уж с докторами — там вообще! Сначала лаборатория, потом секция Ученого совета, не диссертационного — у диссертационного совета никаких секций быть не может, а секция Ученого совета. У нас у Ученого совета есть две секции, все кандидатские диссертации проходят одну из этих двух секций, по некоторым — совместные заседания приходится собирать. Практически не бывает так, что диссертация прошла без сучка и задоринки. Как правило...

Н.В.: Доработка.

В.Д.: ...доработка, да, в крайнем случае — доработка без повторного слушания. Комиссия есть из трех человек, которая скажет, доработал или нет.

Н.В.: Да-да, будет читать все это.

В.Д.: Да, будет читать. И потом сам совет. И все это на полном совершенно серьезе.

Н.В.: То есть нагрузка большая на эти советы, на этих людей. Они за это что-нибудь получают или?..

В.Д.: Ничего. Раньше это называлось ПРНД, «показатель результативности научной деятельности»...

Н.В.: Да-да-да.

В.Д.: Сейчас там какая-то другая аббревиатура — это даже туда практически не входит.

Н.В.: Да.

В.Д.: Я настаиваю все время на том, чтобы членство в советах, работа в комиссиях, которые смотрят диссертации, рецензирование...

Н.В.: Рецензирование, да!

В.Д.: ...статей в журналах — чтобы все это отражалось в ПРНД. Как-то пока не пробились, но пробьём, если эта система сохранится.

Н.В.: Ну да, потому что это большая работа, почему я и спрашиваю. А как вам кажется, эти ребята, они другие, они подвержены этой контркультуре? Вообще, что они из себя представляют?

В.Д.: Как кто, по-разному. Есть вполне серьезные ребята... Тут влияние родителей имеет огромное значение, вы же понимаете.

Н.В.: Да, семья, конечно.

В.Д.: Когда человек приходит и говорит: я, в частности, кончил музыкальную школу...

Н.В.: Правда, есть и те, кто кончил музыкальную школу, а потом из него черте что...

В.Д.: Ну да! То, что получается, называется лабух.

Н.В.: Или вообще, не знаю! (*Смеется.*) То есть вы не чувствуете какого-то большого отличия этих ребят? Они не вызывают у вас отторжения?

В.Д.: Нет, отторжения никто не вызывает, просто никто. Разве что мальчики, которые пришли «косить», уж очень иногда по-гламурному выглядят. Тут сразу начинаешь подозревать, что мальчик пришел не для того, чтобы заниматься наукой.

Н.В.: А что такое «мальчик выглядит по-гламурному»? Я девочку представляю, мальчика — нет! Как вы это видите?

В.Д.: По манерам.

Н.В.: Не просто по одежде?

В.Д.: Может быть, в каком-то смысле и по одежде, если особенно что-нибудь такое, но, в общем, по манерам. Это в манере поведения выражается, понимаете?

Н.В.: Да-да, понимаю.

В.Д.: Очень даже выражается.

Н.В.: Эта их принадлежность к какому-то другому... не знаю...

В.Д.: То, что он свободное время проводит в гламурном клубе, сразу чувствуется, даже если ради того, чтобы это скрыть при поступлении в ту же самую аспирантуру, он надел на себя заурядный свитер и обыкновенные, без дырок джинсы. Все равно это...

Н.В.: Чувствуется.

В.Д.: ...чувствуется.

Н.В.: Думаете, из таких уж точно в науке ничего не выйдет?

В.Д.: Нет.

Н.В.: Потому что они уже там, ориентированы.

В.Д.: Они уже там.

Н.В.: А вот, интересно, вы сказали тогда, что любите хороших девочек — я называю хорошими девочек, неспособных, может быть, к самостоятельной работе, но очень исполнительных, добросовестных...

В.Д.: Ну что, нормальные работники, такие должны быть.

Н.В.: То есть я хотела спросить, это полезно для научного учреждения?

В.Д.: А как же! У нас есть...

Н.В.: Такой «бульон» должен быть, из которого вырастает...

В.Д.: Нет, у нас главные специалисты по оформлению, например, всех заявок и так далее — это очень важная работа!

Н.В.: Да-да-да.

В.Д.: Они в науку особенно и не вкладываются. Некоторые из них программисты, некоторые разную другую работу делают. Мы их ценим, любим, как же без них!

Н.В.: Потому что они уже специализировались...

В.Д.: Конечно, да.

Н.В.: А у вас нет специального отдела? Наши ребята молодые говорят: те, кто пишет заявки...

В.Д.: Нет-нет.

Н.В.:... Что в некоторых организациях уже есть специальный отдел, который занимается только оформлением заявок, оформлением отчетов.

В.Д.: Я понимаю.

Н.В.: Научные сотрудники пишут только содержание.

В.Д.: Я знаю, да, такие прецеденты. У нас нет. У нас нет по двум причинам. Для того чтобы такого человека сделать «из ничего», его нужно на эту работу взять — а она очень специфична, и далеко не все могут ее выполнять. Это некий риск.

Н.В.: Из своих?

В.Д.: Их не отдадут. Они все занимаются не только этим, все без исключения. Они в своих лабораториях и другие вещи делают, их завлаб ни за что не отдаст. Но у нас...

Н.В.: Они делают более секретарскую, что ли, работу?

В.Д.: Ну...

Н.В.: Сейчас же нет лаборантов, нет секретарей. Кто все это делает?

В.Д.: Они все это делают. Понимаете, у нас есть взаимопомощь: те, кто это еще не освоил, эту технологию,

они знают, у кого спросить. И им не просто отвечают на вопросы, им иногда даже просто помогают: «Ладно, я сейчас к тебе приду, мы сядем за твой компьютер, я тебе покажу, я тебе даже что-то сделаю, самое ответственное, сложное...»

Н.В.: Да-да-да.

В.Д.: «...А ты смотри, как я это делаю».

Н.В.: Противные вещи.

В.Д.: Да. Так что...

Н.В.: Эта атмосфера взаимопомощи — она существует?

В.Д.: Во всяком большом коллективе есть свои внутренние противоречия и своя конкуренция.

Н.В.: Да.

В.Д.: Но между теми, у кого таких противоречий нет и кто не находится в острых конкурентных отношениях, — да, конечно.

Н.В.: То есть это важно все-таки для молодежи...

В.Д.: Конечно важно.

Н.В.: ...попасть в такую среду?

В.Д.: Очень важно, безусловно.

Н.В.: И противоречий между молодыми и старыми тоже нет. Сейчас же говорят, что всех уволят свыше семидесяти. Я что-то не очень понимаю, кто останется, кто будет работать.

В.Д.: Их не просто уволят... В том проекте, который я читал, их, так сказать, назовут кем-то типа почетных пенсионеров, но они останутся при институтах... Я думаю, что они реально останутся.

Н.В.: Будут работать как работали.

В.Д.: Ну, конечно.

Н.В.: Потому что не понятно иначе, кто будет работать.

В.Д.: Да дело в том, что они без этого жить не могут!

Н.В.: Это да, это да.

В.Д.: Они прекрасно знают, что если их от института «отрезать», они умрут гораздо быстрее.

Н.В.: Понимаете, они-то это знают, а те, кто издает приказы, они об этом не думают!

В.Д.: Не думают, конечно.

Н.В.: Они об этом не думают.

В.Д.: Рано или поздно они тоже это поймут и, я надеюсь, до того как будет пройдена точка невозврата.

Н.В.: У нас же, знаете, люди действительно и так умирают, еще не уволенными...

В.Д.: Да, само собой разумеется.

Н.В.: ...просто от страха многие умирают.

В.Д.: У меня на днях умер ценнейший сотрудник в издательстве. Он у нас не работал на постоянной работе. Это называется редактор раздела, внештатный... Очень был хороший кадр.

Н.В.: Наверное, эти люди, которые останутся, им, может быть, самим интересно с молодыми работать?

В.Д.: Кому-то интересно, кому-то не очень.

Н.В.: То есть какой-то конкуренции им... Они не чувствуют, что их подсигивают?

В.Д.: Всем, кто продуктивно работает, нужны помощники. Всем.

Н.В.: Поэтому они заинтересованы.

В.Д.: Можно, конечно, обходиться теми, с кем работаешь по сорок лет, можно обходиться, но уход такого человека становится невосполнимой потерей. Поэтому все-таки нужно подтягивать...

Н.В.: А молодые обладают какими-то другими, новыми знаниями? Все-таки я вижу, что, например, гораздо лучше владеют компьютером, быстрее всякие вещи делают.

В.Д.: У нас до сих пор есть доктора наук, которые компьютером практически не владеют.

Н.В.: Да-да, я, я знаю!... (*Смеется.*)

В.Д.: До сих пор!

Н.В.: В этом смысле у молодежи, наверное, есть кое-какие преимущества?

В.Д.: Молодежь, конечно, гораздо легче со всем этим справляется. Хотя уж если доктор наук научился на компьютере работать, он довольно быстро овладевает всем, что ему нужно.

Н.В.: Потому что лучше понимает, что ему нужно.

В.Д.: Лучше понимает, что ему нужно, и как-то... Я не смог бы половину той работы делать, которую я делаю, если бы не вот это устройство. Просто я знаю, что такое сидеть за машинкой и тыкать в нее.

Н.В.: Ну да-да-да.

В.Д.: Я это очень хорошо знаю.

Н.В.: (*Смеется.*) А помните, когда у нас машинистки были? Когда главный человек в лаборатории — это машинистка.

В.Д.: Причем я и диктофоном пользовался очень активно в те времена.

Н.В.: Да.

В.Д.: Я и сам печатать умею, а помимо всего прочего еще и диктофон. С Мишкой был замечательный анекдот. Не анекдот, а в пушкинском смысле анекдот: реальное, так сказать, событие. На самой старой квартире, которая была на улице Наметкина...

Н.В.: Да-да, в Черемушках.

В.Д.: В Черемушках у него был алкаш-сосед. И Мишка вдруг видит, что сосед съезжает с квартиры. А Миша — он же был такой человек, ляпнуть мог... Он и ляпнул: «О, — говорит, — ты уезжаешь! Вот, хорошо, теперь тут тише будет, еще тише!» — «А ты-то, трам-тарарам, встанешь в четыре утра и на своей машинке: тук-тук-тук-тук!»

Н.В.: Да-да-да. А Мишка действительно рано утром вставал, и с пяти утра...

В.Д.: Он был жаворонком.

Н.В.: (*Смеется.*) ...с пяти утра уже тук-тук-тук, это мы все знаем. Так что пока вы тоже не знаете, как эту проблему омоложения решать?

В.Д.: А никто не знает. Все надеются, что как-нибудь кривая вывезет.

Н.В.: Я что-то не очень хорошо понимаю: мне кажется, это не проблема омоложения науки, а проблема самой науки. Была бы наука престижна, как раньше...

В.Д.: И не было бы никаких проблем.

Н.В.: Не было бы никакой проблемы омоложения.

В.Д.: Если бы Советский Союз просуществовал еще тридцать лет (а у него были шансы просуществовать еще хотя бы тридцать лет, я так считаю, были, но не в 1991-м году; они были в 1970-м, у него были шансы просуществовать еще хотя бы сорок лет, в этом, стало быть, смысле и измерении), то, я совершенно уверен, наука не была бы в таком завале, ни в коем случае. И с культурой было бы получше.

Н.В.: У всего свои издержки, поэтому все это омоложение, это все проблемы науки. Вы знаете...

В.Д.: Да не науки, а социума.

Н.В.: Социума, да. В этом смысле...

В.Д.: Это проблема общества... Что престижно, что не престижно — это не решается внутри того, что не престижно.

Н.В.: Ну да.

В.Д.: Это снаружи решается.

Н.В.: Когда я говорю «проблема науки» — я имею в виду проблему положения науки...

В.Д.: Положение науки в обществе.

Н.В.: ...в обществе, да-да-да. Это ясно, просто я неточно выражаюсь.

В.Д.: Да.

Н.В.: И это всех касается, не только молодых, а всех возрастов.

В.Д.: По-моему, Лист написал брошюру о положении артиста в обществе. Артиста! (*Смеются.*)

Н.В.: Ну тут уж...

В.Д.: Кажется, кто-то из великих композиторов.

Н.В.: Не знаю.

В.Д.: В первой половине XIX века! Но это и не удивительно, потому что положение было то еще, а понимание своей роли было уже совершенно другое, чем у великих композиторов-монахов типа Палестрины или Виктории.

Н.В.: С этим надо что-то делать. Надо делать систему — не чинить батарею, а менять систему.

В.Д.: Вот-вот.

Н.В.: Надо лечить общество. Сейчас много говорят о том, что надо просто поднять зарплату. По-моему, дело не в деньгах...

В.Д.: Не только в деньгах.

Н.В.: Не только в деньгах...

В.Д.: Мы с вами говорили о заповедниках: какой сигнал этот закон дает обществу. Это гораздо важнее, чем судьба трех конкретных заповедников, — сигнал. Общество давно не получает серьезных сигналов о том, что делает охрана окружающей среды, развитие науки. Оно получает такие сигналы, от которых знает, что это все туфта, пиар, очередная лапша на уши. Вот как общество воспринимает сигналы, которые

по этому поводу до него доходят.

Н.В.: Ну да-да.

В.Д.: А когда оно, общество, в значительной своей части узнает, что Академию наук начали прокручивать через мясорубку, — так так им и надо!

Н.В.: Ну да-да-да. Поэтому... даже поднимать зарплату в самой Академии...

В.Д.: Это далеко не все, что необходимо. Это тоже нужно, но это далеко не все.

Н.В.: Это даже не главное сейчас, и для молодежи это не главное.

В.Д.: Не главное, но необходимое.

Н.В.: Ну да, какой-то уровень...

В.Д.: Одним повышением зарплаты проблему не решишь.

Н.В.: Да. Правильно я понимаю?

В.Д.: Абсолютно правильно. Кроме того, научный гламур сколковский — это вредит безумно!

Н.В.: (*Смеется.*) Это вы называете научным гламуром?

В.Д.: Конечно, это именно он и есть. Это жуткое безобразие вокруг какой-то там «оправки», внутри которую поместили какую-то научную как бы элиту. Что это вообще такое!

Н.В.: И никто не знает, никто не понимает, что они там сделали.

В.Д.: Там и понимать нечего, потому и не понимают. Если бы они что-нибудь сделали, это было бы известно всем, это поняли бы все, кто в состоянии понять.

Н.В.: Да.

В.Д.: Это типичный научный гламур, такой аквариум.

Н.В.: Знаете, я разговариваю когда с ребятами, им же не так много нужно. Они, те, кто пришел в науки, заранее не нацелены на большие деньги, они понимают, куда идут.

В.Д.: Да, конечно.

Н.В.: Если они получают сорок тысяч, для их жизни это нормально...

В.Д.: Это нормально.

Н.В.: ...потому что у них нет этих...

В.Д.: Особенно если нет нужды в квартире.

Н.В.: ...завышенных потребностей. Квартира — это другая...

В.Д.: Мы-то и квартирки устроили для своих молодых...

Н.В.: Правда? А как? А как это вы сумели?

В.Д.: То, что вам рассказывают по телевидению об академических квартирных безобразиях, не знаю, в какой это степени справедливо, но я точно знаю, что сто пятьдесят, что ли, квартир в элитном доме были разменяны на полторы тысячи квартир в Одинцове, и у меня куча народа получили эти квартиры.

Н.В.: Получили эти квартиры в Одинцове.

В.Д.: Конечно.

Н.В.: Это гениально.

В.Д.: Не только молодые. Молодые — все, у кого потребность была, все!

Н.В.: Потому что...

В.Д.: Ну и постарше.

Н.В.: Квартитры — это решающий момент.

В.Д.: Конечно.

Н.В.: Особенно учитывая то, что все-таки самые активные ребята — это не москвичи, это иногородние. Те, кто иногородние идет в науку, они сильнее мотивированы...

В.Д.: Наверное.

Н.В.: ...чем эти девочки московские.

В.Д.: Наверное. Процент молодых в провинции в науке выше гораздо, чем у нас.

Н.В.: Им интересно, и если они приехали, им-то квартиры нужны.

В.Д.: Да-да-да. Еще тот момент имеет место, что кто, из старших посильнее, стараются в Москву переехать, освобождают места и улучшают возрастную структуру.

Н.В.: Это в провинции?

В.Д.: Ну да.

Н.В.: Нет, из провинции молодежь едет, почему старшие.

В.Д.: И старшие тоже едут. Я довольно много знаю случаев, когда доктора, заслуженные и авторитетные, старались перебраться в Москву и благополучно решили эту проблему.

Н.В.: Сейчас в Москву стараются перебраться все...

В.Д.: Все, совершенно верно.

Н.В.: ...отовсюду.

В.Д.: Да. А для этого деньги нужны. А деньги приходят с авторитетом... и так далее, сами понимаете.

Н.В.: Еще такой момент. Все-таки раньше была, я б не сказала карьерная лестница, но какая-то была возможность продвижения. Если ты стал старшим научным — триста рублей, завлабом — пятьсот рублей плюс преподавание, и это обеспечивало попадание в высший средний класс...

В.Д.: Ну да, в элиту.

Н.В.: ...в верхний средний класс.

В.Д.: В советскую интеллигентскую элиту.

Н.В.: Да-да-да. А сейчас, для этих молодых, что им светит? В чем их карьерная лестница может быть?

В.Д.: В принципе, то же самое.

Н.В.: Что они могут, денег заработать?

В.Д.: А почему нет? Не только деньги, но и известность, престиж, авторитет. Это все тоже для нормального человека играет [роль]...

Н.В.: А мне кажется, что сейчас труднее получить известность и престиж. В этом, по-моему, как раз

большая проблема.

В.Д.: Ну почему же? Нет.

Н.В.: Внутри коллектива.

В.Д.: Внутри коллектива — запросто.

Н.В.: Внутри коллектива можно. А за пределами?

В.Д.: А за пределами коллектива, если это сильный коллектив, если он сам по себе авторитетен, и ты, заработав авторитет в своем коллективе, представляешь этот авторитетный коллектив, то...

Н.В.: Где-то.

В.Д.: ...то да.

Н.В.: Ну да, престиж.

В.Д.: Конечно. А если у тебя коллектив не очень-то престижный, а ты чувствуешь, что ты имеешь хороший потенциал, и не просто потенциал, но и уже кое-что в багаже, то такие люди, конечно, переходят.

Н.В.: Уходят.

В.Д.: Уходят. Переходят в другие научные организации, где их с огромным удовольствием берут: «Дайте их мне, пожалуйста! Мы из завтра же возьмем».

Н.В.: Ну да-да, конкуренция же идет.

В.Д.: Конечно.

Н.В.: За специалистов везде конкуренция идет, за хороших людей.

В.Д.: Везде, да.

Н.В.: Их всегда не хватает.

В.Д.: Хорошие — это не профессия, за специалистов